

Военные приключения

Записки "чёрного" полковника

Сергей Александрович Трахимёнок

Записки «черного полковника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215529
Записки «черного полковника» / Сергей Трахимёнок: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-7385-6

Аннотация

Этот роман известного автора из Беларуси не имеет никакого отношения к «черным полковникам», которые в шестидесятые годы прошлого столетия осуществили военный переворот в Греции. Полковники от разведки и контрразведки, о которых идет речь в книге, противодействовали и противодействуют таким переворотам как в послевоенной Европе, так и в наше время. Роман Сергея Трахимёнка рассказывает о холодной войне, итог которой никто так и не подвел.

Содержание

Предисловие от автора	4
Предупреждение (вместо эпиграфа)	6
Б.Н. История первая	7
Расим	10
Виктор Сергеевич	14
Б.Н	17
Расим	21
Виктор Сергеевич	24
Б.Н	27
Расим	31
Виктор Сергеевич	33
Б.Н. История вторая	37
Расим	40
Виктор Сергеевич	43
Б.Н	45
Расим	50
Виктор Сергеевич	53
Б.Н	56
Расим	59
Виктор Сергеевич	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Трахимёнок

Записки «черного полковника»

Посвящается Б.Н.

Предисловие от автора

Между собой мы никогда не называли его по имени отчеству. Для нас он был либо Б.Н., либо «черный полковник». Правда, второе прозвище использовалось редко, поскольку оно принадлежало не только ему. Просто всех нас, прибывших в восемьдесят первом году на Высшие курсы КГБ СССР, сразу поразило большое количество полковников в форме войск связи: в фуражках с черными околышами и черными бархатными петлицами.

И хотя канты и просветы на погонах у них были красными, черный бархат, безусловно, доминировал. Спецмедобследования, собеседования, тесты проходили под их руководством, и все почему-то улавливали в их внешнем облике, прежде всего, эту деталь.

«Черные полковники»... Уже впоследствии мы узнали, что все спецслужбы мира легендируют своих сотрудников под форму войск связи – самого нейтрального рода войск, присутствие которого всегда оправдано во всех соединениях, частях и даже подразделениях.

Но это было потом. А тогда этот цвет поразил и мгновенно объединил нас, поскольку каждый выделил его в первую очередь. Значило это, что мы смотрим на мир одинаково, а следовательно, являемся представителями одной профессиональной группы.

Б.Н. пришел к нам в первый же день. Был он сух, поджар, говорил неторопливо, представлялся «классной дамой», а нас назвал «благородным собранием».

По возрасту он принадлежал к поколению наших отцов, был на фронте с первых дней войны и к сорок третьему командовал батареей. Потом его тяжело ранило, он долго восстанавливался и только после этого ушел в контрразведку. Он иронически относился к коллегам, которые не хлебнули окопного лиха, особенно, если те пытались судить о войне с позиций теории.

– Что с них взять, – говорил он, – они всю войну за Уралом фронт искали.

Б.Н. вел у нас одну из спецдисциплин контрразведки, но запомнился не этим. Чаще всего на разборах тех или иных учебных ситуаций он откладывал в сторону задачу и говорил: вы ребята грамотные, во всем этом можете разобраться сами. А вот то, что я вам сейчас расскажу, вам никто не расскажет. И он говорил о тех операциях, в которых ему приходилось участвовать в послевоенной Европе. Обращал наше внимание на ошибки в их проведении, нестыковки в планировании и реализации, психологию участников, предлагал самим сделать выводы.

Но, самое главное, он всегда обращал наше внимание не на результат, который был достигнут той или иной акцией, а на её долговременные последствия...

В те времена было модным делить подрывную деятельность на непосредственный подрыв и идеологические диверсии. Как-то, выслушав решение одной из учебных задач, он сказал группе:

– Ваши выводы сводятся к одному: все изложенное – результат халатности или безалаберности, присущей большинству тех, кто живет на данном пространстве. Но если бы сейчас рухнул государственный строй, то у всех ваших «халатностей» мгновенно появились бы организаторы и исполнители, которые стучали бы себя в грудь и кричали: это я совершил, это я сделал, и требовали бы себе награды.

Жизнь подтвердила правильность его слов...

В нашей группе, как в большой семье, были и волевые ребята, и интеллектуалы; были будущие рабочие лошадки оперативной работы и, так называемые, блатные. Спустя четверть века видно, что диапазон их профессиональных достижений разбросан от самого высокого карьерного взлета, до откровенного предательства. Так, моим одноклассником был Нартай Д., ставший руководителем спецслужбы одного из государств СНГ, а в США остался другой одноклассник – Сергей П.

А между ними – два десятка других судеб, удачливых и менее удачливых по отношению к профессиональной работе и карьере, среди которых я хотел бы отдать дань уважения человеку, с одной стороны, имевшему самый высокий IQ на курсе, а с другой стороны, менее всего приспособленному к войне – Володе Минееву, расстрелянному боевиками в Грозном во время второй чеченской войны.

Все они были чуть выше других, потому что прошли фильтры отбора по ряду качеств. И эти качества позволили им участвовать в той большой игре и противостоянии Содружества социалистических государств с их тогдашними визави.

Однако эта книга не о них, а об их предшественниках. Она реквием по тем, кто, не обладая ни технической, ни финансовой мощью смог противостоять половине сытого и технически оснащенного мира, который почему-то считал, что все остальные должны жить по его правилам. Реквием по тем, кто сумел сохранить планетарное равновесие, позволившее почти на полвека отодвинуть Третью мировую войну...

Предупреждение (вместо эпиграфа)

Автор просит не беспокоиться сотрудников аналитических подразделений разведок, упомянутых в романе: возможные совпадения имен и фамилий в тексте случайны. Сюжетные линии также являются вымыслом автора, и никогда не существовали в действительности, как не существовало Великого противостояния разведок в центре Европы во второй половине двадцатого века, а также войны со странным названием «холодная».

Б.Н. История первая

Карлхорст, 1956 год.

В кабинете три телефонных аппарата. Два оперативных, один городской сети.

Первый оперативный звонит достаточно редко. Он напрямую связан с Уполномоченным аппарата МВД при МВД ГДР. Вывеска эта не соответствовала названию этой же структуры в СССР, но дело было не в конспирации. Просто реорганизации службы безопасности в СССР в конце сороковых – начале пятидесятых были настолько часты, что закордонные структуры с одной стороны не успевали за ними, а с другой – не хотели вводить в некоторую растерянность зарубежных коллег.

Второй телефон связан со всеми оперативными подразделениями, но чаще всего им пользуется начальник отдела.

Уполномоченного за глаза зовут дядя Женя, начальника отдела – дядя Миша, правда, тоже за глаза и только сотрудники отдела. А так первый – Евгений Петрович, а второй – Михаил Федорович.

Только что закончилась ежедневная утренняя оперативка, и можно было посмотреть сводки о происшествиях за ночь, полистать немецкие газеты, да и осмыслить задачи, которые перед тобой только что поставило руководство. Именно это и делают все сотрудники, да и начальники отделов, и поэтому оперативные телефоны утром чаще всего молчат. Ну а уж если они звонят, то сие не предвещает ничего хорошего. Особенно когда звонит телефон Уполномоченного. Он обычно связывается с начальниками отделов, а те потом «озадачивают» сотрудников. Но если Верховный звонит напрямую...

Тогда ты, как говорят старожилы и остряки аппарата Уполномоченного, готовься долго не мыть руку, которую он пожмет тебе в знак благодарности.

Итак, смотрим, что случилось за ночь на границе Западного и Восточного Берлинов...

Все как обычно: несколько попыток преодоления границы с обеих сторон. Правда, попыток и переходов с нашей стороны всегда больше. В 1948 году американские визави исследовали обстановку в английском секторе и были удивлены количеством дезертиров и перебежчиков в Восточную Германию. Они сделали вывод и поставили, в общем-то, случайные явления на плановую основу, постепенно нарабатывая методику подталкивания неустойчивых элементов к переходу границы.

Смотрим просто происшествия и исследуем фамилии их участников, потом сверяем их с данными на установленных разведчиков и агентов. Вроде никого из списка, который у нас имеется...

Теперь газеты. Но тут звонит оперативный телефон под номером один, газеты побоку:

– Слушаю, товарищ Уполномоченный...

– Зайдите к Михаилу Федоровичу, ознакомьтесь со справкой по РС, а потом я вас жду у себя.

Лаконично и одновременно информативно. Пока иду к начальнику отдела, соображаю, что потребность во мне у дяди Жени возникла уже после оперативного совещания.

Открываю дверь кабинета начальника, затем открываю рот, чтобы изложить цель своего визита. Но делаю это медленно, давая ему возможность остановить меня.

Так и происходит, он коротко кивает, мол, не до расшаркиваний, проходи.

Сажусь за приставной столик.

– Евгений Петрович только что позвонил мне.

Начальник снова кивает головой и протягивает мне листок:

– Ознакомься.

Начинаю читать. Информации не так много.

Справка о деятельности радиостанции «“Свободная Россия” – РС»

Существует с декабря 1950 года. Создавалась Закрытым сектором НТС на средства фонда Н (см. приложение 1).

Материальная часть (см. приложение 2).

Мощность первых использованных передатчиков – 38 ватт.

Модернизирована в 1953 году якобы на пожертвования соотечественников (использованы средства фонда Н). Увеличена мощность, создана станция для выработки собственной электроэнергии, в два раза увеличен штат сотрудников. Разделены радиостанция и редакции, появились новые программы, возросло количество радиопередач.

Во время массовых беспорядков в Восточной Германии в июле 1953 года и венгерского путча вела работу круглосуточно. Кроме подрывных пропагандистских передач давала информацию о предстоящих событиях, силах и средствах, участвующих в них, координируя, таким образом, деятельность путчистов. Передачи осуществлялись на двух языках (венгерском и русском), провоцируя дезертирства со стороны советского военного контингента.

Постоянного места дислокации не имеет.

Агент «Бразилец» посещал РС 24 февраля 1956 года. Согласно его сообщению, лиц, не работающих постоянно, на станции привозят с соблюдением правил конспирации. Станция представляет собой участок в лесном массиве, огороженный забором и колючей проволокой, охраняемый по периметру сторожевыми собаками. Неподалеку от станции на холме находится так называемый контрольный пункт, с него осуществляется контрнаблюдение за подходами к станции и борьба с глушителями.

Во время передач с контрольного пункта приходит информация в виде двух групп цифр. Первая группа обозначает волну, на которой осуществляется глушение, вторая – показатель делений шкалы, на которые необходимо переместить вещание.

В ночное время охрана объекта усиливается.

Из бесед с сотрудниками станции установлено:

- все сотрудники работают на станции ежедневно, проживают в населенных пунктах неподалеку. На станцию доставляются специальным транспортом;

- искренне считают, что их работа направлена на благо тех, для кого они осуществляют вещание;

- почти все сотрудники приводят в качестве показателя эффективности работы фразу о том, что «они заставляют зря тратить ресурсы Советов, так как каждый глушитель, чтобы заглушить передачу, должен быть в 10–12 раз мощнее станции, которую он глушит;

- контрольный пункт оснащен оборудованием высокого технологического уровня. Это так называемые телевизоры, на их экранах можно видеть изображение несущих волн радиопередач, а также видеть волны глушителей. При создании помехи операторы дают команду о перемещении волны в наиболее удаленный участок экрана;

- корректировщиками передач являются многие перебежчики;

- плохую слышимость передач в Европе сотрудники объясняют тем, что они имеют приоритетную направленность в глубину Советского Союза. И это якобы подтверждают перебежчики.

Поднимаю глаза на начальника.

– Все остальное тебе скажет Петрович, – говорит он, – иди.

Спускаюсь на второй этаж. В приемной Уполномоченного референт, он просит меня подождать, так как в кабинете Петровича находится очередной докладчик.

Знаю, что это недолго. Петрович вполне мог посоревноваться со спартанцами из местности Лакония. Да и вообще он личность известная и легендарная. В Берлине работает с пятьдесят третьего. После войны он – самый молодой генерал в системе органов государ-

ственной безопасности, заместитель министра государственной безопасности. В октябре пятьдесят первого Сталин отдает распоряжение арестовать группу чекистов, среди которых был и Петрович. Говорят, что вождь при этом заметил:

– У чекиста есть два пути: один на повышение, другой – в тюрьму.

В Лефортово Петрович написал письмо на имя вождя, но не с просьбой об освобождении, а с предложениями о реорганизации разведки и контрразведки, понимая, что о таком письме обязательно доложат.

Так и произошло. Однако многие писали Сталину, но их письма либо не дошли до него, либо были оставлены без внимания. Это письмо было исключением из правил только потому, что Сталин лично знал Петровича. Однажды в отсутствие руководителя ведомства Петрович был у него на докладе и понравился вождю своей лаконичностью и точностью в суждениях.

– Такого толкового человека не следует держать в тюрьме, – сказал вождь.

Вскоре он был освобожден и вместе с группой руководителей ведомства разработал проект слияния разведки и контрразведки в единое Главное разведывательное управление. Именно такая концентрация должна была, по мнению Сталина, эффективно противостоять мощному разведывательному сообществу западных стран. Но с уходом из жизни вождя ГРУ МГБ так и не было сформировано...

Дверь кабинета Уполномоченного открылась, и оттуда вышел незнакомый человек. Впрочем, кадры в аппарате менялись часто. А интересоваться их установочными данными не было принято, если, конечно, они сами тебе не представлялись.

– Прошу вас, – сказал референт, – Евгений Петрович вас ждет.

Но тут загорелась лампочка на его столе, и он попросил меня задержаться.

Лампочка свидетельствовала о начавшемся телефонном разговоре Уполномоченного. А в разведке не принято присутствовать при телефонных переговорах не только начальников, но и коллег.

Но вот лампочка погасла. Референт указал тыльной стороной ладони на дверь Уполномоченного, и я оказался в кабинете самого большого ведомственного начальника органов безопасности за кордоном...

Расим

Мягко светит сентябрьское солнце. Пляжи еще полны, потому что осень в Анталии – бархатный сезон, и он не менее популярен, чем летний.

Если не жариться на солнце в середине дня, а отжаться ему только утром и вечером, почти пропадает ощущения пребывания на юге, несмотря на все его атрибуты: голубое море, желтоватый песок пляжей и пальмы.

Там, где он родился, не было пальм, моря и такого чистого просеянного песка. И в те времена, когда он рос и учился в школе, ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он станет завсегдатаем этих мест.

Впервые он попал сюда три года назад, началось это с того, что его бывший школьный приятель создал турфирму, в которую пригласил работать Расима.

Но с этого ли все началось? Нет, скорее всего, все началось гораздо раньше, все началось с Ахундова¹. Точнее, с реферата об Ахундове, который он написал, будучи студентом филфака БГУ. Было это в 1985 году. В стране началась перестройка, все ждали, что вот-вот придет «социализм с человеческим лицом». Ожидание продлилось шесть лет, до развала Советского Союза. А после никто не говорил о социализме, все бросились превозносить капитализм, который изначально имел человеческое лицо и должен был облагодетельствовать всех, но почему-то не торопился делать этого...

В этом же году он, как будущий аспирант, поехал в Баку на студенческую конференцию, где выступил с докладом «Ахундов и смерть Пушкина».

Пушкин всех певцов, всех мастеров глава...
Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.
Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.
Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Что наполнял вином познания Карамзин...
Вся русская земля рыдает в скорбной муке, —
Он лютым палачом безжалостно убит.
Он правдой не спасен — заветным талисманом —
От кривды колдовской, от козней и обид
Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит...

Он читал с трибуны конференции по-восточному цветистые строчки, правда, в переводе русского поэта.

Его заметили, в Белоруссию он вернулся с дипломом и массой адресов будущих коллег, исследователей восточной литературы.

Однако в аспирантуру он не попал. Пока был на военных сборах, его место в аспирантуре заняла какая-то девица.

— Ничего страшного, — сказал научный руководитель, — на следующий год поступишь.

Он ушел работать в школу, но через год его перетянули в районо, потом он возглавил центр народных ремесел. Потом развалился Советский Союз, и он остался без работы. Но

¹ Мирза Фатали Ахундов (Ахундзаде) – азербайджанский писатель, философ.

один из его бывших коллег стал хозяином туристической фирмы и предложил возить детей состоятельных родителей в Анталию.

Расим согласился, потому что оплата была вполне приличной, а группы небольшими, не то, что в его педагогическом прошлом, когда приходилось возить группу в сорок учеников с двумя педагогами.

Побывав с группами в Анталии, ему вдруг захотелось смотаться туда одному. Он взял отпуск на десять дней и улетел чартерным рейсом к Средиземному морю.

В одном из отелей Анталийского побережья он неожиданно столкнулся с Фаруком. Удивительно было не то, что они встретились, а то, что Фарук узнал его. Ведь после единственной встречи прошло двенадцать лет, и им было уже почти под сорок. Но Фарук помнил конференцию в Баку, помнил прогулки по набережной, проживание в гостинице «Апшерон», запах Каспийского моря вперемешку с запахом нефти. А главное – стихи, которые читал в актовом зале Расим.

Вся русская земля рыдает в скорбной муке, —
Он лютым палачом безжалостно убит...

Эти строки Фарук произнес на русском, когда лоб в лоб налетел в вестибюле отеля на Расима. Русский он знал хорошо, правда, иногда путал падежи. Фарук не был турком. Он приехал в Анталию из Каморканы, соседки Турции, которая тоже имела свои пляжи и участок Средиземного моря, но жители ее предпочитали отдыхать в Анталии.

– Это чем-то напоминает финнов, – сказал Фарук, – которые когда-то ездили оттягиваться в Ленинград, потому что в Финляндии был сухой закон.

– Ты путаешь падежи, – ответил ему Расим, – но одновременно знаешь сленг, который знает не каждый русский.

– Склонению по падежам меня учили турецкие профессора славянской академии, а сленгу я научился у русских друзей. Тебе бы тоже не мешало освоить арабский, ты же мусульманин.

– Я уже стар, чтобы осваивать арабский.

– Ну, тогда на худой конец турецкий. Это европеизированный арабский. Он не такой трудный, как английский. Русские даже не знают, что постоянно говорят по-турецки, – произнес Фарук и засмеялся. – Например, стакан по-турецки – бардак, остановка – дурак, а ухо – кулак. Представляешь, как ты показываешь русскому на ухо и говоришь: «Кулак». Он тебе тут же по просьбе туда кулаком и въезжает.

– Въедет.

– Что въедет?

– Нужно говорить въедет или на худой конец заедет, а не въезжает.

– Да какая разница! Ты же понял, о чем я говорю, и этого достаточно, – произнес Фарук. – Кстати, у вас есть слово «баян», а в турецком это слово – приставка к женским именам, например, Лили баян, то есть госпожа Лили. Как у тебя зовут жену?

– Сейчас никак.

– Почему сейчас?

– Потому что мы с ней развелись.

Потом они пили сладкое вино в номере Расима. Фарук не хотел, чтобы земляки видели его употребляющим алкоголь. Впрочем, его трудно было назвать пьющим по русским или белорусским меркам. Но, видимо, и такие дозы были предосудительны на его родине в Каморкане.

На следующий день они поехали в Анталию. Время двигалось к вечеру, и было не так жарко. Машину Фарука оставили на парковке и пошли бродить по старому городу. Побывали

на причале. Посмотрели развалины крепостной еще константинопольских времен стены. Посетили этнографический музей, в котором купили обереги в виде глаза.

Потом сфотографировались у подножия большого минарета, выложенного из красных кирпичей, и решили пошляться по рынку. Но перед этим заглянули в один из обменных пунктов. И тут вышла незадача. Усатый обменщик взял стодолларовую купюру Расима, посмотрел ее в синем свете, затем встал со своего стула и ушел в подсобку. Его не было минут пять, наконец он появился и протянул купюру обратно Расиму.

– В чем дело? – спросил Расим Фарука.

Но тут чья-то рука опустилась Расиму на плечо. Он обернулся и увидел двух полицейских.

Его и Фарука отвезли в полицейский участок. Там обыскали, изъяли все имеющиеся лиры и доллары, осмотрели их, запечатали в конверт и куда-то унесли.

Потом Расима отвели в камеру, какую в Беларуси и России называют обезьянником. А Фарук успел сказать ему напоследок, что пока ничего сделать нельзя, потому что все начальники уже ушли домой. Но завтра он утром приедет к нему.

– Что ты сможешь сделать? – спросил Расим.

– Сейчас не знаю, но у меня есть земляк, он большой босс, попрошу его, может, чем поможет...

Всю ночь Расим не спал и забылся только под утро. Но его бесцеремонно разбудили и повели по какому-то длинному и незнакомому коридору. Потом некий полицейский стал на русском языке читать его прегрешения. Полицейский произносил много слов, но Расиму почему-то сразу стало понятно, что он в Турции, где вора́м отрубают руку, а фальшивомонетчикам заливают в глотку жидкий металл.

Полицейский, исполняющий роль кади, указал рукой куда-то за спину Расима. Расим обернулся и увидел большую треногу, на цепях которой висел котел, под котлом горело несколько поленьев. Аналитический ум Расима осознал, что такое количество топлива не может нагреть металл до жидкого состояния. Но металл в котле булькал. Наверное, его нагрели раньше, подсказал тот же ум.

А действие между тем разворачивалось. Кади в форме полицейского зачерпнул непонятно откуда взявшимся ковшиком жидкий металл и направился к Расиму.

«А вот уж хрен», – подумал Расим, намереваясь выбить ковшик из рук кади, но чьи-то руки крепко схватили его сзади, и он понял, что не сможет вырваться из этих объятий.

– Калк, – произнес полицейский, и Расим проснулся.

Два полицейских открывали замок обезьянника. Точнее, открывал один, а второй внимательно смотрел на тех, кто в нем находился. А в нем кроме Расима были еще два обитателя.

Оба полицейских зашли в камеру и произвели некую процедуру, выражавшуюся в демонстративном пересчитывании всех, кто был в обезьяннике. Из чего Расим понял, что один дежурный передавал смену другому дежурному. Значит, наступило утро. Он ждал Фарука, но того не было, зато пришел полицейский и препроводил его в кабинет к человеку, который был одет в гражданский костюм.

– Сабитов Расим? – произнес этот человек.

– Вар, – ответил Расим, одно из немногих слов, которые он знал по-турецки.

Тогда мужчина сказал что-то по-турецки, и в комнату вошел другой человек, который на хорошем русском языке объяснил что он – адвокат и будет вести дело его, Расима.

– И в чем меня обвиняют? – спросил Расим.

– В фальшивомонетничестве, – сказал адвокат, – статья серьезная в любом государстве.

– Да уж, – согласился Расим.

Далее адвокат рассказал, какие сроки тюремного заключения могут быть по данному преступлению. Причем делал он это лихо, пользуясь не столько юридическими терминами,

сколько полублатным русским жаргоном, из которого Расим наиболее четко понял только два словосочетания: «чалиться по статье» и «париться на нарах».

В это время в дверь постучали, и на пороге появился Фарук и еще один мужчина постарше.

Расим представил, как выглядело бы это в Беларуси. Возможно, гражданский выпроводил бы вон и Фарука, и его спутника, но здесь все было иначе. Гражданский словно ждал их прихода. Он подобострастно указал им на стулья за спиной Расима, затем что-то сказал «адвокату», тот кивнул головой и вышел из кабинета...

Виктор Сергеевич

Большой туристический автобус, конечной целью маршрута которого была Италия, подъехал к границе Литвы и Беларуси. Он остановился в конце небольшой очереди автомобилей и стал медленно продвигаться к пункту таможенного и паспортного контроля.

Все было как обычно, граница существовала уже семь лет и процедура была привычной для обеих пограничных сторон.

Не было волнения и у пассажиров автобуса. Второй водитель, обитавший все время где-то на задних креслах, перебрался на откидное сиденье рядом с основным. Пассажиры тоже не волновались. Правда, большинство из них на какое-то время прекратили болтовню, отложили книги и стали смотреть в окно. Пожалуй, только старый стюард автобуса, в обязанности которого входило поение пассажиров кофе и чаем на остановках, проявил к означенной процедуре паспортного контроля должное уважение: снял белую куртку и уселся на одно из свободных мест. Впрочем, на это никто не обратил внимания.

Водители называли стюарда по имени-отчеству Виктор Сергеевич. Был он нетороплив, обстоятелен, от него исходила некое спокойствие, которое отсутствует у мелких водоемов, но бывает у океана. Пусть даже на поверхности шторм, все прекрасно понимают, что в глубине его все тихо и безмятежно. В этом человеке чувствовалось то, что иногда называют породой. Впрочем, к некоей элитности и аристократичности это не имело никакого отношения.

Почему пожилой человек согласился на эту неквалифицированную работу, понять было трудно. Но человеческое мышление не любит вопросов, на которые окружение долго не может найти ответы. Мышление словно испытывает стресс от этого. И тогда оно придумывает ответ сообразно своему пониманию ситуации и мира, чаще всего не сообразуясь ни с логикой, ни с реальностью.

Полная блондинка среднего возраста, которая при посадке в автобус назвалась Магдой, обмолвилась двум пожилым дамам, фактически одногодкам, что Виктор Сергеевич работал когда-то в вузе, преподавал научный коммунизм. Но... развалился Советский Союз. Кафедра и его коллеги преобразовали себя в историков и политологов, а Виктор Сергеевич не смог «перестроиться» и ушел на пенсию. Дети его уехали за границу, и там неплохо устроились. И вот он едет к ним в Неаполь навестить внуков. А чтобы не выглядеть уж совсем бедным родителем, решил сэкономить на билетах в Италию.

Честно признаться, историю эту она придумала не сама, ей фрагментами поведал о ней старший водитель автобуса Сигидас. Магда только дорисовала недостающие детали.

Объяснение это сняло многие вопросы, и аккуратный, обстоятельный стюард, без подобострастия обслуживающий пассажиров, стал родным и близким обитателям туристического автобуса, каждый из которых тоже не был олигархом, потому и выбрал самый дешевый и самый неудобный транспорт для поездки на отдых.

С Виктором Сергеевичем пытались заговорить многие дамы, но он был деликатно неприступен.

– Прошу прощения, – произносил он, не давая пассажиркам зацепить его вопросами в частности, и разговорами вообще, – работа, знаете, работа.

– А после работы? – спрашивали самые настойчивые.

– После работы все можно, – отвечал он.

– А на отдыхе, на море? – не унимались дамы.

– Там сам Бог велел, – отвечал Виктор Сергеевич.

Границу они пересекли к утру и въехали в Польшу. Отсюда предстоял двенадцатичасовой бросок к городу Брно, где была запланирована ночевка в гостинице «Старый млын».

К гостинице приехали вечером. Быстро разгрузились, молодежь пошла изучать окрестности и содержимое барных стоек в кафешках вблизи гостиницы. Чуть позже на улицу высыпали и пассажиры постарше. Как всегда в поездке, было больше дам, чем мужчин и дамы-одногодки искали глазами Виктора Сергеевича, дабы он составил им компанию. Но появившиеся водители сообщили, что стюард умотался и спит.

Дамы посокрушались немного, а затем, втянув в свою компанию Магду, пошли рассматривать «млын» – огромное колесо водяной мельницы, когда-то действующей, а теперь бутафорской.

На следующий день рано утром все опять загрузились в автобус и через пару часов миновали границу с Австрией. Около девяти часов были уже в Вене.

– Три часа пешей экскурсии по центру, – объявил Сигидас. – Собираемся в двенадцать ноль-ноль. Прошу не опаздывать, здесь нельзя стоять больше пяти минут, это расценивается как нарушение правил дорожного движения.

Дамы-одногодки тут же стали искать глазами Виктора Сергеевича, но тот не пошел со всеми в город, а остался в автобусе с водителями.

Разбившись на микрогруппы, туристы направились к центру старой Вены. Самые быстрые дошли до центрального парка и запечатлели себя на фоне невероятно зеленых лужаек. Самые любознательные побывали в огромной церкви и удивились, что туда можно было войти даже в шортах. А те, кто хотел просто отдохнуть, покатались на конных пролетках и посидели в кафешках на центральном бульваре, которых было великое множество и в которых можно было, даже не зная языка, заказать «смол бир энд айнц гамбургер»².

Через три часа автобус подъехал к остановке метро «Шведская площадь». Туристы забрались в салон, и тут выяснилось, что не хватает одного – молодого человека спортивного вида, который уже в первый день поездки получил прозвище «Спортсмен».

– Нужно подождать, – сказала одна из женщин.

– Никаких проблем, – ответил второй водитель, – ожидание здесь стоит в долларах около полутора тысяч, будете платить лично или скинетесь?

– Мы сделаем небольшой круг и вернемся сюда, – сказал мудрый Виктор Сергеевич, – не волнуйтесь.

Автобус тронулся, сделал круг в несколько кварталов и возвратился на остановку. Там его уже ждали полицейские. Оказалось, что «Спортсмен», увидев, что автобус отходит, бросился за ним. Но тут сбоку появился бесшумный трамвай и сбил опоздавшего.

Пока бригада скорой помощи с надписью «Ambulanse» на борту осматривала потерпевшего, полицейские стали составлять протокол и потребовали переводчика. Водители обратились за помощью к Виктору Сергеевичу, и тут выяснилось, что стюард довольно сносно говорит на английском. Однако уязвленные его невниманием дамы отметили, что он, хотя и согласился на посредничество в переводе, делал это без особого энтузиазма и даже с долей некоторого нежелания.

Потом пришлось везти потерпевшего в больницу, звонить в страховую компанию. Естественно, переводчиком во всех этих переговорах был Виктор Сергеевич. Он же время от времени сообщал туристам данные о состоянии потерпевшего.

В путь тронулись только к вечеру, оставив беднягу на излечение австрийских врачей и попечение страховой компании.

Неожиданное происшествие сдружило туристов – они уже запросто называли по именам водителей автобуса, однако к стюарду по-прежнему обращались по имени-отчеству.

Потом была ночная дорога до Флоренции, размещение в гостинице под самое утро, сон до обеда, знакомство с хозяйством гостиницы, которая в Советском Союзе называлась бы

² Маленькую кружку пива и один гамбургер.

курортной, изучение окрестностей... И только на следующий день дамы-одногодки заметили, что среди туристов нет Виктора Сергеевича. Они тут же снарядили Магду узнать, не заболел ли любимец автобуса.

– Не заболел, – сказал Магда, вернувшись, – водители говорят, что его той же ночью забрали дети, которые приехали за ним на машине.

Еще раз порассуждав о черствости и необязательности мужчин, дамы вскоре забыли Виктора Сергеевича и предались отдыху. И только одна из них как-то спросила Сигидаса:

– А как выглядят его дети?

– А кто его знает? – ответил тот. – Он зашел к нам в номер с сумкой, попрощался и сказал, что его ждут дети на улице.

– И вам было неинтересно на них взглянуть?

– А чего на них глядеть? – ответил водитель. – Дети как дети.

И все в рассказе Сигидаса было правдой, за исключением того, что Виктор Сергеевич не поехал к детям в Неаполь, поскольку у него не было там детей, впрочем, у него вообще детей не было.

Виктор Сергеевич в ночь, о которой говорили водители, перебрался в другую гостиницу и три дня безмятежно загорал и купался, а затем заказал билет на самолет до Гонолулу...

Б.Н

Обстановка кабинета любого большого начальника того времени была стандартна. Большой стол, покрытый зеленым сукном, несколько кресел. Дверь в комнату отдыха и связи. Большой совещательный стол с двумя рядами стульев с резными спинками. Маленький приставной столик у стола с зеленым сукном. Но в отличие от других кабинетов здесь стены обиты темным деревом, что, с одной стороны, придает кабинету вид торжественно-официальный, а с другой – мрачноватый.

Попытка доложить по уставу тут же прерывается хозяином кабинета.

Он кивает за приставной столик. Сажусь, смотрю на Уполномоченного. Зачесанные назад волосы с легкой проседью, тонкие губы, спокойный взгляд серых глаз за стеклами больших очками.

– Ознакомились со справкой по РС? – спрашивает он.

– Так точно.

– С «Бразильцем» знакомы?

– Нет.

– Это источник сотрудника вашего отдела. Дело в том, что в настоящее время РС и ее слушатели в Союзе «нашли друг друга» и вполне довольны этим союзом. Не будем их разочаровывать. Сотрудники отрабатывают вложенные в них деньги, полагая, что все это рано или поздно приведет к размыванию существующего строя в СССР. Кстати, информация, которая к нам поступила, исходила, прежде всего, от них. А «Бразилец» только подтвердил ее. Дело в том, что известный вам фонд Н., который финансирует подрывную деятельность эмигрантских организаций, пытается создать вторую станцию с вещанием на европейскую часть СССР. С охватом Украины, Белоруссии и Прибалтики. Сотрудники РС вовсе не хотят делить славу борцов с советским режимом с новой станцией. Да и нам не хотелось бы создавать себе еще один объект наблюдения, обставлять его средствами. Ваша задача: с Ефимовым, на связи у которого «Бразилец», исследуйте ситуацию с созданием новой РС. Если это не деза, разработайте с Михаилом Федоровичем план мероприятий по недопущению ее работы. На все это неделя. Приступайте.

Оказавшись за порогом кабинета Уполномоченного, я позвонил Ефимову, затем зашел к нему и рассказал ему о поставленной мне задаче.

– Что ты хотел от меня конкретно? – спросил он.

– Встречи с «Бразильцем» и уточнения информации о новой станции.

– Хорошо, – ответил Ефимов, – завтра я еду в Западный Берлин и привожу тебе информацию, но ты разработай мне вопросник.

– Лады, – сказал я, – уже сажусь за разработку.

– Присаживайся, присаживайся, – ответил Ефимов, – а перед тем как будешь писать вопросы, ознакомься с рядом литературных дел. Возможно, с одной стороны, необходимость в вопросах отпадет. А другой стороны – информация в них подтолкнет тебя в детализации.

Получаю литературные дела. Расписываюсь в них, начинаю знакомиться. Если учесть их объем, то времени на это уйдет много, а нужно еще успеть заняться вопросником, так как утром Ефимов убывает.

Тут нужно сказать несколько слов о Ефимове. Был он педант страшный, чем и гордился, но одновременно у него почти полностью отсутствовало чувство юмора. Он понимал это и пытался компенсировать тем, что записывал шутки коллег и, наверное, на досуге пытался понять, почему же они вызывают смех.

Время от времени Ефимов имитировал наличие у него означенного чувства, рассказывая записанные им анекдоты. Иногда это получалось хорошо, и собеседник не догадывался

о том, что сам рассказчик плохо понимает то, о чем говорит. Иногда рассказанный анекдот выглядит совершенно несмешным, хотя Ефимов воспроизводит его слово в слово, но теряет или не понимает, что к словам нужны еще и подтекст, и интонации, да и еще что-то такое, что трудно поддается осмыслению.

...В справке об оперативной обстановке много лишнего. Она предназначена для человека, который приходит на данный участок впервые. Приходится пробегать все, что написано, по диагонали.

Вот статистика количества представителей спецслужб в Берлине. Вот выводная информация о том, что «в силу сложившихся исторических и геополитических обстоятельств, в послевоенные годы Берлин стал одним из мировых центров шпионажа».

Ничего удивительного. До Первой мировой войны таким центром была Вена. Затем ее эстафету принял Берлин. В годы Второй мировой войны этот центр переместился в Цюрих, где наружные службы всех европейских разведок знали в лицо своих визави.

Разумеется, главным европейским резидентом американской внешнеполитической разведки был, как у нас говорили, начальник Управления стратегических служб Аллен Даллес. Он в апреле 1945 г. вместе со своим аппаратом перебрался из швейцарского Цюриха в немецкий городок Гейдельберг.

Когда-то УСС Госдепартамента США было маленькой копией СИС, фактически младшим, даже не братом, а братиком Сикрет Интеллидженс сервис, созданной еще в начале века. Сравнились по потенциалу они где-то к пятидесятым годам, уже после того как на базе, в том числе и УУС, было создано Центральное разведывательное управление.

Несмотря на то, что штаб-квартира ЦРУ размещалась в Гейдельберге, часть аппарата и руководство перебрались в Берлин и обосновались в особняке на улице Ференверг в пригороде Далем, бывшей резиденции фельдмаршала Кейтеля. Здание было с весьма интересной архитектурой и имело три подземных этажа. Иногда это здание называли Берлинской оперативной базой (БОБ).

Начав в сорок пятом году с традиционных разведывательных опросов, уже с осени БОБ стала приобретать регулярных информаторов из числа немцев и граждан других государств. Определилось и главное направление в создании оперативных позиций: установление контактов с офицерами Вооруженных сил Восточной Германии и командирами и рядовыми Красной в то время армии.

БОБ, в состав которой входили секретная разведка (СР) и контрразведка (Х-2) занималась сбором информации о политических и социальных процессах как в собственной оккупационной зоне, так и на территории западных союзников, однако в первую очередь – на территории советской зоны оккупации.

Соответственно и наши структуры безопасности противодействовали им по линиям разведки и контрразведки. Кроме того, после войны были и специфические направления работы: розыск нацистских преступников и представителей карательных органов Третьего рейха, борьба с остатками нацистского подполья, а также эмигрантскими организациями, которые проводили подрывную работу против СССР или использовались в качестве прикрытия для деятельности разведки.

Здесь нужно отметить, что термин «подрывная деятельность» понятен только для специалистов, да и то в том случае, если его условно разделить на три направления: сбор разведывательной информации или чистая разведка; материальный или непосредственный подрыв (к коему относятся уничтожение в натуре ресурса противника); так называемое оперативное обеспечение, то есть сбор информации, которая впоследствии обеспечивает работу по первому и второму направлениям.

Отсюда и конструкция составов преступлений в Уголовном кодексе того времени.

Статья 58—1 содержала определение контрреволюционного преступления: «Всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

Обычное для всех стран государственное преступление, далее оно разбивалось, как говорят специалисты по уголовному праву, на конкретные объекты, которым преступлением причинялся вред.

Это были наличествующие во всех государствах: измена Родине, вооруженное восстание, совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти, диверсии, антисоветская агитация и пропаганда, шпионаж, саботаж.

Правда, санкции за многие квалифицированные составы³ были предельно жесткими, иногда безальтернативными⁴. Была необоснованно повышена ответственность военнослужащих, она была одинаковой и в мирное, и в военное время, а также, по сути дела, существовало объективное вменение⁵ в случаях привлечения к ответственности членов семей изменников Родины. Но, если оценить ту блокаду СССР, которая была организована после семнадцатого года ведущими мировыми державами, а также предвоенное, военное и послевоенное время, то все это не кажется неадекватным военно-политической обстановке.

Это потом, в семидесятые, когда кровью и трудом предыдущих поколений было построено защищенное общество, все стали говорить о чрезмерной жестокости государственных мер в отношении тех, кто этот строй разрушал или пытался разрушить.

Не нужно забывать, что против нас кроме американцев работали разведорганы, которые действовали с позиций штабов оккупационных войск Франции, а особенно Британской империи (английские, канадские, австралийские и парашютной бригады еврейской общины Палестины) и даже нелегальная разведывательная резидентура Хаганы, которая в начале пятидесятых стала основой резидентуры Моссад⁶, особенно укрепившейся после прихода к ее руководству Иссера Хартеля, который, став главой Моссад, добился от Бен Гуриона увеличения бюджета органа в десять раз. Хартель был выходцем из Советского Союза, стиль его руководства был предельно авторитарен. Его подчиненные говорили, что если бы он остался в СССР, то стал бы руководителем КГБ и съел бы Берию на завтрак, не поперхнувшись...

Потом шла информация об эмигрантских организациях, их структуре, месте расположения, руководителях, их деловых и человеческих качествах, о проведенных ими операциях против СССР, а также методах работы и связях со спецслужбами западных государств.

Последние четко соблюдали правила игры. Они не кормили перечисленные организации прямо, а действовали через различные негосударственные организации, чаще всего фонды. Но, то ли им лень было работать с фондами профессионально, то ли не хотелось тратить свой ресурс на создание каждый раз новых структур, фонды эти были одни и те же. К ним относился и пресловутый фонд Н., упомянутый в справке «О деятельности РС».

Ситуация не была новой и на этот раз. Как сообщала агентура, фонд Н. готов был выделить средства на новый более модернизированный вариант радиостанции для подрывного вещания на европейскую часть СССР.

³ Квалифицированный состав – состав преступления с отягчающими обстоятельствами.

⁴ Безальтернативная санкция – санкция, предусматривающая только один вид наказания.

⁵ Объективное вменение – ответственность без вины.

⁶ Моссад – разведка Израиля.

Я отложил последнее литерное дело и взялся за разработку вопросов «Бразильцу». Закончил их составление я около часа ночи. Закрыв бумаги в сейф, пошел домой, благо вся советская колония жила в Карлхорсте компактно и до дома было не более полукилометра.

Жена уже спала, я разогрел чай, сделал себе бутерброды и поужинал. Потом, подумав, сделал бутерброд на завтра. Захватчу его на работу. Завтракать мне не придется, потому что в семь нужно будет явиться на службу и ознакомить с вопросником Ефимова.

Расим

Спутник Фарука о чем-то спросил гражданского. Тот вежливо ответил.

Они перебросились еще несколькими фразами, и гражданский обратился к Фаруку. Тот, выслушав его, кивнул головой и сказал Расиму:

– Пойдем со мной.

Они вышли из кабинета и уселись на стулья в коридоре.

– Как спалось? – спросил Фарук.

– Нормально, – ответил Расим. – Как может спаться в тюрьме?

– А чего такой смурной?

– А ты бы на моем месте веселился бы?

– Не знаю... Это мой земляк, – сказал Фарук. – Он большой босс в Каморкане, но учился в Турции и у него здесь немало друзей. Зовут его Эрдемир.

Тут дверь кабинета отворилась, и показался Эрдемир. Он что-то отрывисто произнес Фаруку и пошел прочь от кабинета.

– Все нормально, – сказал Фарук. – Тебя сейчас допросят, а потом мы поедем в отель.

Они вошли в кабинет, и гражданский (как оказалось, это был следователь) стал спрашивать Расима о том, кто он такой и как попал в Турцию. Затем вопросы стали касаться фальшивых долларов. Следователь спросил, где их покупал Расим, имел ли он когда-нибудь дело с местной полицией города Минска (следователь произносил это название как Мэнск). Говорил следователь по-турецки, а на русский язык его вопросы переводил Фарук.

– Где вы учились?

– Это так важно? – удивился Расим.

– Не я задаю вопросы, – пояснил Фарук, и тут же любезно улыбнулся гражданскому. – Ты же должен понимать, что они пытаются установить картину.

– Картину чего?

– Картину преступления.

– Какое отношение к этому имеет моя учеба?

– Ты что действительно не понимаешь? Если ты скажешь, что окончил технический или химический вуз, то у них больше оснований подозревать тебя в фальшивомонетничестве.

Следователь, недовольный долгим разговором подозреваемого и переводчика на русском языке, что-то недовольно сказал Фаруку по-турецки. Допрос продолжился. И чем дольше он продолжался, тем больше казалось Расиму, что вопросы следователя не имеют никакого отношения к вопросам, которые обычно задают или должны задавать фальшивомонетчикам.

При всей детальности допроса следователь не спросил, где купил эту купюру Расим? Есть ли у него чек обменного пункта? Был ли это обменный пункт в Турции или он находится на территории Беларуси? Зато он интересовался: кто был его преподавателями в вузе? Есть ли мечеть в городе, где он родился? Какие отношения к мусульманам в Беларуси вообще?

– Есть ли претензии к нам? – перевел последний вопрос Фарук.

– Нет, – помотал головой Расим. Он ожидал, что Фарук также коротко переведет его ответ. Но Фарук стал о чем-то пространно распространяться следователю, а тот удовлетворенно кивать ему в ответ головой.

– Все, – наконец сказал Фарук. – Сейчас небольшая процессуальная процедура, и мы свободны.

– Слава Богу, – вздохнул Расим.

В кабинет вошел человек с маленьким чемоданчиком в руке. Процедура оказалась не одна. Сначала Расиму остригли ногти на руках, а затем сняли отпечатки пальцев.

Наконец, кое-как вытерев руки салфеткой, Расим вместе с Фаруком покинул кабинет следователя.

Они сели в машину Фарука и поехали в отель. Когда выехали за город, Расим спросил:

– Слушай, я хотя и не знаю турецкого, но перевод короткого слова «нет», должен звучать как «ёк». А ты чего там говорил, чуть ли не полчаса?

– Я благодарил от твоего имени полицию, которая вела себя по отношению к тебе весьма корректно.

– Понятно... А скажи-ка мне еще, мой верный переводчик, какое дело этому специалисту по фальшивым монетам до моих преподавателей в вузе.

– Не знаю, – ответил Фарук. – Может быть, он вообще сомневался в фактах твоей биографии и задавал контрольные вопросы.

– Ну а мечеть ему зачем нужна?

– Я сказал ему, что мы одной веры.

– Это было так нужно?

– Чем больше общего у нас, тем легче найти общий язык и развязать все узелки.

– Тебе бы следователем работать, – сказал Расим.

– А я им и работал, – ответил Фарук. – Ты, думаешь, откуда я Эрдемира знаю?

– А кто такой этот Эрдемир?

– Эрдемир – это человек, который тебя вытащил из каталажки.

– Понятно. А он вытащил меня навсегда, или...

– Не знаю, все будет упираться в то, что покажет экспертиза денег, плюс анализ микрочастиц, которые были у тебя под ногтями.

– Ты полагаешь, что там...

– Правильно... Они полагают, что там есть то, что бывает у тех, кто делает фальшивые деньги.

– А если этого там не окажется, я реабилитирован?

– Да, как непосредственный изготовитель фальшивых купюр, но как распространитель...

– Твою дивизию! Что же делать?

– Пока ничего,ждемся результатов экспертиз.

– Надо позвонить начальству в Минск.

– Зачем?

– Сообщить обо всем.

– Не надо, не поднимай волну прежде времени. Может, все обойдется.

– А вдруг не обойдется?

– Девяносто процентов, что обойдется, – сказал Фарук.

– А если я попаду в оставшиеся десять процентов? Тогда мне не отмыться...

– Отпусти все, пусть эта река течет без тебя, – философски заметил Фарук. – А насчет «не отмыться», приедем в отель, возьмешь шампунь и отмоешься.

Расим так и сделал. Оказавшись в номере, он принял душ, тщательно вымыл руки, но следы от дактилокраски все же остались. Особенно его беспокоил запах «обезьянника», казалось, он не только въелся в кожу, но и проник внутрь нее. Желая как можно быстрее избавиться от следов краски и этого запаха, Расим взял свежее белье и пошел в баню. Однако сауны были на профилактике, и работал один хамам – каменная лежанка, на которой уже грелись два усаых мужика.

Расим улегся на лежанку рядом с ними, укрылся подобием покрывала, закрыл глаза и стал потеть.

Конечно, кайфа от банной процедуры он не испытывал. Мысли его были далеки от каменной лежанки, и даже гостиницы. Он ясно понимал, что вчерашнее задержание было провокацией, и по-хорошему сейчас надо взять такси и уехать в аэропорт. Возможно, там есть места на чартеры до Москвы или до Минска. А уж ежели таковых нет, то улететь в Стамбул или Анкару, а оттуда уже в Россию или Беларусь...

Тут он выругался – все его деньги остались в полицейском участке. Разумеется, его специально подставили и специально лишили средств. Что делать? Что? Хотя зачем спрашивать, его аналитический ум уже знал, что делать...

Сейчас он вылежит на каменной лежанке еще полчаса, потом помоемся и, нарушив некий ритуал восточной бани, после которой нужно отдохнуть на диване, закутавшись в махровое полотенце, пойдет в номер. В номере демонстративно быстро соберет чемодан, а затем выйдет без него к стоянке такси, якобы для оценки обстановки. Если за ним ведут наблюдение, то это не пройдет незамеченным.

Предположения его подтвердились: после того как он пообщался при помощи жестов с таксистами и вернулся в отель, то сразу налетел на Фарука.

– Как самочувствие? – спросил тот.

– Прескверное, нужно платить за номер, а деньги...

– Твои деньги на экспертизе, – ответил Фарук, – и их сразу не вернут. Но не переживай, у тебя есть друзья. Побудь в холле.

Он куда-то ушел, но вскоре появился со своим старшим другом и земляком. Эрдемир оглядел Расима с ног до головы, словно оценивая его состояние и сравнивая его с тем, что он видел утром, сказал несколько слов Фаруку на непонятном языке и ушел.

– Забирай чемодан, – произнес Фарук. – Переезжаем в другой отель.

– Мне надо его собрать, – соврал Расим.

– А разве ты его уже не собрал? – съехидничал Фарук.

Виктор Сергеевич

Гонолулу, Гонолулу – столица Гавайских островов, пятьдесят первого штата США. Странное, признаться, название для русского уха.

Что он знал о Гавайях? То, что это международный курорт. То, что это рай земной, потому что там 24 градуса днем, двадцать четыре градуса ночью, и двадцать четыре градуса в середине зимы и лета. Правда, это средние температуры, а реальные могут отклоняться от этих показателей, но не намного.

Все это похоже на знания Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро. «Там полтора миллиона жителей в основном мулаты и все в белых штанах».

Он никогда не был на Гавайях, но даже если бы и был, то вряд ли что-либо мог вспомнить. Ему приходилось бывать на многих курортах мира, и даже фотографироваться рядом со знаковыми зданиями и памятниками выдающихся людей, но все это совершалось лишь для того, чтобы подкрепить легенду туриста или журналиста, аккредитованного на каком-нибудь международном мероприятии. На самом деле он мало что помнил из того антуража, что был запечатлен на фотографиях. Потому что все его внимание там было сосредоточено на том, как уйти он наружки⁷, как не попасть в поле зрения контрразведки противника, как правильно выбрать место для встречи с агентом, чтобы у его визави не было шансов ее отфиксировать и уже тем более узнать содержание их бесед.

Зачем он летел в Гонолулу? Он – старый разведчик на пенсии.

– Не ввязывайся в эту авантюру, – сказал ему друг, который догадался, зачем он появился в Москве.

Это было вечером, а днем его принял на конспиративной квартире начальник одного из отделов бывшего «американского направления».

– Вы читаете газеты? – спросил он.

– Разумеется, – ответил Виктор Сергеевич, – и знаю, что произошло в США.

– Приятно иметь дело с профессионалом, – сказал начальник.

«Хватит ходить вокруг да около», – хотелось сказать Виктору Сергеевичу.

И так, наверное, он сказал бы еще десять лет назад, но сейчас, после развала Советского Союза, он пенсионер, живущий в Минске, а его коллега и бывший ученик представляет спецслужбу России – государства хотя и дружественного, но все же другого. И ему не хочется открываться перед Виктором Сергеевичем раньше, чем тот даст согласие на некое действие. А что это действие будет предложено, Виктор Сергеевич не сомневался. Стоило его приглашать в Москву да еще с такими конспиративными предосторожностями.

– Вам приходилось работать в советские времена по главному противнику? – начал начальник.

– Коля, – сказал ему Виктор Сергеевич, – давай не будем смешить кур, даже если предположить, что наша беседа фиксируется. У вас возникла проблема, и вы пытаетесь привлечь меня к ее разрешению?

– Да.

– Форма моего участия в этом? Вам нужна консультация?

– Пока, да.

– А что, может возникнуть необходимость в реальных действиях?

– Да, Виктор Сергеевич.

⁷ Наружка (сленг) – служба наружного наблюдения.

– Ситуация настолько сложна, что такая мощная спецслужба не может обойтись своими силами и выходит на отставного пенсионера, да еще и проживающего на территории другого государства?

– Ситуация действительно не проста, – осторожно заключил начальник. – Но я могу изложить детали только после того, как получу от вас некое предварительное согласие поучаствовать в операции по восстановлению связи с...

– С некоторыми представителями разгромленной резидентуры?

– Да.

– Таким образом, я даю согласие участвовать в этой операции и мы переходим к конкретике?

– Да.

– Странно, раньше такого разговора не могло состояться...

– Конечно, не могло. Будь вы не отставником, да еще живущим в другом государстве, я изложил бы вам обстановку и поставил бы перед вами задачу, которую вы должны были выполнить. Но я не могу сделать это, потому что у вас есть право отказаться...

– Коля, – сказал Виктор Сергеевич, – я догадываюсь о диапазоне моего использования. Если бы речь шла о консультации, то не было бы таких предосторожностей. Скорее всего, вы хотите, чтобы я...

– Виктор Сергеевич, – сказал начальник отдела, – поскольку вы не в штате, я уполномочен обсудить конкретику только после дачи вами согласия на реальное участие в операции.

– Заманчиво потрянуть стариной, но мне все-таки непонятно, почему я должен покупать kota в мешке. А вдруг я не смогу по состоянию здоровья выполнить поставленную задачу?

– В том-то и парадокс, – сказал начальник отдела, – сначала согласие, а потом конкретика задания. Мы полагаем, что состояние вашего здоровья вполне удовлетворительное, если судить по тому, что вы дважды в неделю посещаете баню и дважды играете в футбол на спортивной площадке возле вашего дома в Минске.

– Значит, вы изучали меня, перед тем как сделать это предложение?

– Конечно же, Виктор Сергеевич.

– Вы посылали в Минск своих людей или пользовались старыми источниками информации?

– Да стоит ли посылать туда своих людей, ведь речь идет о вещах всем известным. Вплоть до размеров той площадки, на которой вы играете в футбол.

– Коля, когда-то на этой площадке играл в футбол и ты. Хотя это было чревато взысканиями, поскольку начальник Высших курсов запрещал это делать в неучебное время. И ты понимаешь почему?

– Еще бы, там полыхали такие страсти, каких не бывает на наших национальных чемпионатах... – произнес начальник отдела, и глаза его загорелись.

– Точно, потому и травматизм от таких страстных матчей группа на группу или курс на курс был большим, чем от спаррингов во время рукопашного боя.

– Да, – ответил начальник отдела, которого звали Коля, он сам имел перелом лучезапястной кости.

– Коля, – вернул начальника из прошлого в настоящее Виктор Сергеевич, – если эту задачу не может решить никто, кроме меня, я даю согласие. Надеюсь, мне не придется прыгать с парашютом или бегать по крышам поездов.

– Не придется.

– А подписать некое обязательство о неразглашении сведений, которые станут мне известными?

– Наверное, придется.

– Коля, я кадровый сотрудник спецслужб, хотя и на пенсии, и не буду ничего подписывать. Так и доложи руководству. Я в отличие от вас остался там, в Советском Союзе и в советской разведке.

– Хорошо, встречаемся завтра. Постарайтесь решить свои бытовые проблемы за сегодняшний день. Если руководство даст добро на ваше участие в проведении операции...

– Все ясно: я буду переведен на конспиративную квартиру и любые контакты...

– Да, Виктор Сергеевич, да.

Б.Н

Три дня из отведенного мне недельного срока прошли. А я ни на шаг не продвинулся в выполнении поставленной задачи.

Ефимов вернулся ни с чем. Все с самого начала не заладилось. Контрнаблюдение обнаружило «хвост», и Ефимов отказался от встречи. При этом он не преминул помотать наружку визави, подергать ее на отрывах, а также осуществил массу контактов со случайными лицами, прибавив «коллегам» работы по установлению и проверке этих лиц.

И сделал Ефимов это не от желания позлить противника. Иногда это срабатывало в нашу пользу. В следующий раз с ним просто не станут связываться, предположив, что он вот так демонстративно подставляет себя для того, чтобы отвлечь наружку, а где-то в другом месте будет происходить реальная операция.

Но мои вопросы остались без ответа, а время шло. Уже и Михаил Федорович намекал, что нужно искать другой канал информации. Но где его найдешь? Это только в западных СМИ у нас каждый второй в Западной Германии работает на советскую разведку. На самом деле, большая агентурная насыщенность в разведке так же неэффективна, как и малая. Здесь, как и в любой конспиративной деятельности, нужна мера. Но эта мера каждый раз зависит от такого количества слагаемых, что легче изобрести некий стандарт, чем исследовать эти слагаемые, для того, чтобы определить эту меру.

Я доложил обстановку Михаилу Федоровичу. Тот почесал затылок.

– Нужно разрабатывать резервный вариант, – сказал он. – Вдруг с «Бразильцем» не удастся встретиться в течение недели.

И я снова стал просматривать материалы, касающиеся деятельности эмигрантских организаций. Но ничего нового и интересного для себя не нашел. Правда, по сообщениям одного из агентов, проходила информация о привязке новой радиостанции к пригороду Мюнхена Пулаху, но власти ФРГ почему-то не позволили этого сделать. Агент считал, что это происки «восточных немцев», которые договорились с «западными». На самом деле руководству эмигрантов не было известно, что в Пулахе дислоцируется служба, которая до весны этого года называлась «Организацией Гелена», а с апреля была преобразована в Государственную Федеральную разведывательную службу (БНД). И власти не хотели соседства своей спецслужбы с новой организацией.

Итак, получив столь ничтожный результат, который свидетельствовал лишь о том, что в Мюнхене или возле Мюнхена радиостанцию власти разместить не разрешили, я пошел домой в прескверном настроении. И в таком же настроении вернулся на следующий день в здание аппарата Уполномоченного. Но здесь меня ждали приятные вести, Ефимову удалось-таки встретиться со своим агентом.

Читаю копию справки о беседе с «Бразильцем».

Оказывается, в последний момент власти все же разрешили разместить радиостанцию в Баварии возле города Деггендорф. И дело закрутилось настолько быстро, что уже из Америки привезено оборудование, и оно размещено в бараках бывшего лагеря для перемещенных лиц, неподалеку от реки Изар.

Но самая важная часть информации была в конце справки. Работы по созданию станции должны были по планам начаться в понедельник, тогда как на дворе была пятница. Что делать? Идти к Михаилу Федоровичу? Но к нему нужно идти с планом мероприятий. Сажусь за разработку плана, правда, ни ресурса времени, ни какого-либо иного ресурса у меня уже нет. Тем не менее пишу план, первым пунктом которого является срочная командировка в Деггендорф, и несу его на согласование начальнику отдела. Тот пытается сократить мои

предложения по расходам, но я настаиваю, тогда он идет к Уполномоченному, захватив меня с собой.

Однако мне не пришлось доказывать необходимость финансирования в тех пределах, которые я указал. Начальник вышел от Уполномоченного с утвержденным планом, в углу которого стояла резолюция: «По фактическим затратам».

Подпись Уполномоченного – это тот ключ, который открывает все двери. И вот уже я сижу в кресле оперативно-технического отдела, где меня фотографируют для паспорта гражданина ФРГ Карла Шеффера.

Вот мне изготавливают документы, а точнее – купчую на участок земли в районе бывшего лагеря для перемещенных лиц в Деггендорфе.

Затем следует короткий инструктаж нашего страноведа Володи Бязева, который говорит мне об этнопсихологических особенностях баварцев.

Ночью я уже в аэропорту Западного Берлина, а утром прилетаю в Мюнхен. Мой плохой немецкий объясняется по легенде тем, что я родился в Баку, в семье немецких специалистов, которые в тридцатые годы погибли, и я воспитывался в детском доме, пока меня не нашли мои родственники из Мюнхена. Но мне не судьба была жить в Германии. Призванный на службу в вермахт, я в сорок третьем году попал в окружение и пробыл в советском плену девять лет, пока не вернулся домой и не открыл собственное дело. Моя строительная фирма называлась «Шеффер и К°».

Несколько часов – и я в Деггендорфе, беру напрокат машину и некоторое время езжу по городу. Потом захожу в гаштет, заказываю пива и говорю с хозяином о бывшем лагере для перемещенных лиц. Он поясняет, как мне туда добраться. Оставляю несколько марок и обещаю зайти еще.

Бывший лагерь для перемещенных лиц представляет собой ряд хорошо сохранившихся деревянных барakov и каменное здание. И самое удивительное, что он не охраняется. Впрочем, ничего удивительного, как говорит Володя Бязев: «Немец никогда не отдаст своего, но и чужого не возьмет». В крайнем бараке складированы ящики с маркировкой на английском языке. Прекрасно. Возвращаюсь в гаштет, снова неспешно беседую с хозяином, прошу порекомендовать мне небольшую фирму для производства земляных работ. Хозяин оживает и говорит, что таковую содержит его кузен. Обещаю ему заплатить за то, что он меня срочно сведет с ним. Хозяин соглашается, и я знаю почему. Ведь глупый приезжий немец заплатит ему, а потом и с кузена можно потребовать комиссионные.

Он звонит кузену и дает мне адрес. С большим трудом нахожу улицу и дом. И, наконец, вижу хозяина, это молодой баварец, но с солидным брюшком. Первое, о чем он мне напоминает, это то, что рабочий день уже кончился и говорить он будет за отдельную плату. Разумеется, я соглашаюсь, представляюсь ему сам и показываю документы. Но этого мало, при всей практичности, пунктуальности и меркантильности немецкого фирмача он все же – человек, а не машина.

Говорю ему, что пытался начать свое дело на севере, но народ там, о-о! Одним словом «пройсен».

Мой собеседник оживает. И хотя слово «пройсен» означает всего лишь пруссак, этим словом южные немцы зовут немцев северных, и не просто зовут, а скорее обзывают. Особенно этим грешат баварцы, у которых своеобразные счеты с пруссаками. Они полагают, что их последний король Людвиг II был утоплен по приказу Бисмарка.

Вспоминаю инструктаж Бязева. Баварцы, несмотря на то, что являются южанами, гораздо сдержаннее северян. И там, где северяне последовательно озвучивают свои мысли, баварцы оглашают только результат мыслительного процесса.

О баварцах есть анекдот. Баварская семья за столом. Муж молча ест поданное ему. Жена спрашивает: «Вкусно?». Муж отвечает: «Если молчу, значит, вкусно».

– Правильно говорил Кини, что пруссаки – не чистокровные немцы...

– Да, да, – соглашается фирмач.

О Кини, ласковом прозвище последнего короля Баварии Людвига II, который у баварцев считается одновременно чем-то вроде святого и национального героя, я тоже слышал от Бязева.

– Только в Баварии да еще в небольших городках сохранилась традиции строительства настоящих немецких домов, – говорю я. – Я купил участок возле реки Изар, где были бараки лагеря для перемещенных лиц, и в понедельник ко мне приезжает заказчик. Мне надо к этому времени сделать планировку.

– Плохой участок, – говорит фирмач.

– Но зато земля дешевле.

– Место там не лучшее, – упорствует фирмач. – Гораздо лучше купить участок вблизи Лукаскирхе.

– Конечно, лучше, но я связан желанием заказчика.

– Но там строения, – говорит фирмач. – Одно из них на хорошем фундаменте.

Он хорошо знает свой город и его предместья.

– Участок небольшой, – говорю я ему. – Как раз до каменного здания, поэтому работы там немного. Мы сдвигаем деревянные строения в овраг и делаем планировку.

– Не могу, – говорит фирмач. – Выходной день, рабочие отдыхают, в понедельник и начнем.

– Я тоже не могу, – говорю я ему. – У меня заказчик будет в понедельник с утра. Что я ему покажу, старые бараки? В общем, решайте, или я еду в другую фирму.

– Хорошо, – говорит фирмач. – Двойная цена за работу в выходные.

– Тройная, – отвечаю ему, – если мы все сделаем ночью.

– Правильно, – отвечает он, – за ночную работу нужно платить дороже. Я сам прослежу за работой бульдозера. А планировку завтра сделает моя жена по плану. У вас есть план?

Он садится за печатную машинку, и мы создаем договор между ним и фирмой «Шеффер и К°», к которому прилагаем копию купчей на участок. Мой контрагент по сделке требует план разбивки участка, которого у меня нет.

Я обещаю ему представить его завтра утром, даю задаток, и мы разъезжаемся.

Останавливаюсь в «Паркотеле» и начинаю создавать план будущей застройки. Получается скверно, но лучшего варианта нет.

Утром еду к фирмачу, но предварительно заезжаю на участок. Там еще работает бульдозер, за рычагами которого сидит, ба, мой фирмач! Но я делаю вид, что не узнаю его и уезжаю. Примерно через час появляюсь у него дома. Он уже на месте. Передаю план, фирмач удивленно смотрит на меня.

– Это не план, – говорит он мне.

– Это рисунок заказчика, – говорю я ему, – а кто платит, тот и заказывает музыку.

– Да, да, – соглашается он со мной и приглашает жену. Мы вдвоем разбираемся с планом, который нарисовал мнимый заказчик, и я выкладываю деньги за работу бульдозера. Конечно, мне хотелось бы сразу расплатиться и с планировщиком, но этого делать нельзя. Это может насторожить подрядчика. Здесь все упорядочено: сначала работа, а потом деньги. Вечером принимаю работу, расплачиваюсь и спешу на поезд в Мюнхен.

И все вроде бы складывается благополучно, но из Мюнхена нужно улететь в Западный Берлин, а оттуда перебраться в Восточный. Однако погода нелетная, рейсы задерживаются и к бабушке не ходить, чтобы понять, что в Деггендорфе уже подняли тревогу и допросили фирмача. Разумеется, он показал им документы, и, разумеется, тут же было установлено, что они липовые. Теперь на всех аэропортах и вокзалах будут искать Карла Шеффера, владельца компании «Шеффер и К°».

Слава Богу, если так. Немцы – народ педантичный, у них есть установочные данные, и они будут искать по ним, а уж во вторую очередь по внешним данным. Конечно, если бы в Деггендорфе не зафиксировали мою фамилию, то по станциям и аэропортам разослали бы приметы, а так можно с уверенностью сказать, что это будут данные на Карла Шеффера.

Но на этот случай у меня есть некая квартира в Мюнхене. Я отправляюсь туда и говорю хозяину слова пароля. Он стрижет меня наголо, делает фото, и через сутки из Мюнхена в Западный Берлин летит странный человек лет сорока, с рукой на перевязи и несколькими латками лейкопластыря на лице. И конечно же в паспорте значатся совершенно другие установочные данные, даже близко не напоминающие Карла Шеффера.

В Карлхорсте дядя Миша принес мне в кабинет несколько западногерманских газет.

– Приложишь к отчету, – сказал он.

Прежде чем писать отчет о командировке, я прочитал прессу. Во всех газетах была напечатана одна и та же статья. Суть ее была в том, что теперь ни один житель Западной Германии не может спать спокойно, потому что длинные руки коммунистических разведок могут дотянуться к нему в любой точке Германии. И в качестве иллюстрации этого приводилась моя операция.

Чем-чем, а способностью моментально реагировать на свои провалы и получать из них дивиденды за рубежом умели лучше, чем мы. И с чем это связано до сих пор не знаю. Возможно, у большого народа нет потребности постоянно напоминать, что он обижен и что к нему все время тянутся чьи-то руки...

Расим

В другой отель они ехали с полчаса на такси и почти не говорили. Да и о чем было говорить? Оба понимали, что они оказались пешками в чужой игре, но продолжали играть. Впрочем, чему тут удивляться? Жизнь людей – постоянная игра.

Машина миновала поле-пустырь, проехала мимо небольшой пальмовой рощи, вслед за которой простиралась огромная лужайка для игры в гольф.

– Кому принадлежит это поле? – спросил Расим просто так, чтобы прервать молчание, которое начинало тяготить обоих.

– Это поле отеля.

– Шикарный, наверное, отель?

– Семь звезд, – произнес Фарук.

– Но таких не бывает.

– Почему же, – ответил Фарук. – Пять звезд это обычная градация, а сверх ее владельцы самых крутых отелей выстраивают собственные иерархии. Есть поле для гольфа – вот тебе и шестая звезда, есть аквапарк внутри отеля, вот тебе и седьмая, а...

Что должно следовать, за этим «а», Расим не узнал, потому что такси остановилось у большой каменной арки отеля, которому принадлежало поле для игры в гольф.

– Твою мать! – выругался Расим, когда понял, что жить он будет именно здесь, и когда навстречу им из огромной арки с улыбкой выскочил вахтер с шапочкой на голове, чем-то напоминающей феску.

– Чего ругаемся? – игриво произнес Фарук.

– И сколько здесь стоит номер?

– Для тебя нисколько, – ответил Фарук. – Ты здесь гость на несколько дней, пока тебе не вернут твои деньги.

Номер был без излишеств. Но все, что было нужно для проживания, там имелось: плазменный телевизор, холодильник и даже миниатюрный сейф, где можно было хранить ценности.

После размещения они пошли осмотреться. Фарук показал Расиму ресторан, где тому предстояло питаться, затем они вышли во двор отеля, где змеилась река, создававшая прохладу. Через реку были переброшены арочные мосты. Чуть дальше был пляжный комплекс с бассейнами, в которых синела подкрашенная вода, лежаками вокруг них, и конечно, морем, выход к которому предвещал пляж с чистым желтоватым песком.

– Не переживай, – сказал Расиму Фарук, – уж если попал в ощип, то получи удовольствие от пребывания в семизвездочном отеле.

– Ты полагаешь, что в этой ситуации можно получить удовольствие?

– Удовольствие можно получить в любой ситуации.

– Даже в той, что произошла со мной?

– Даже в той. Я понимаю, чего ты боишься. Но не переживай. Все дело житейское. Ты мой друг, я попросил помочь тебе моих друзей, значит, они теперь и твои друзья, а ты их.

– Как-то вы уж очень уверенно ведете себя на чужой территории, – сказал Расим.

– Эта территория является чужой для тебя, а для нас это территория страны, в которой, так же как и в Каморкане, мусульманская вера. Правда, Турция, вместо того, чтобы использовать свою мощь и размеры и стать лидером мусульманского мира играет в европейскость и светскость. Но это временное явление. В Турции есть влиятельные силы, которым не нравится ее сегодняшний политический курс.

– Ты так полагаешь?

– Честно говоря, так полагает Эрдемир, я же человек, по-вашему, более либеральный.

– Вряд ли ситуации здесь может кардинально измениться, – сказал Расим. – В свое время Турция отказалась от имперских амбиций и руководства мусульманским миром.

– Турция отказалась, зато Каморкана не отказалась, – произнес Фарук. – Маленькая Каморкана сейчас форпост мусульманства и фактический духовный лидер мусульманского мира, как бы этот мир не разделял Запад.

– Не разделял, в смысле, принимал?

– В смысле: вносил раздор, ссорил страны мусульманского мира друг с другом.

– Слушай, – сказал Расим, – давай где-нибудь бросим кости и поговорим.

– Ты хочешь говорить серьезно во время игры в кости? – переспросил Фарук.

– Нет, – сказал Расим, – я забыл, то ты не вполне понимаешь сленговые обороты. Бросить кости на молодежном жаргоне, значит, где-нибудь примоститься.

Они вернулись в отель и расположились за столиком, к которому тут же подошла официантка в национальном наряде...

Виктор Сергеевич

Ночевал Виктор Сергеевич у своего друга и коллеги Сергея Ветковского. В пятидесятые годы они вместе начинали в Прибалтике.

Виктор Сергеевич привез другу бутылку «Беловежской», и Ветковский тут же заявил, что он принципиально пить не будет, потому что при помощи ее развалили Советский Союз.

– Да ладно тебе! – сказал Виктор Сергеевич. – Ты уж Советский Союз не обижай, разве можно его было развалить одной бутылкой?

– Во-во, – ответил Ветковский, – одной бутылкой там не обошлось. Сколько ребят погибло в Прибалтике после войны... И мы их с тобой вроде предали.

– Мы-то с тобой никого не предавали.

– Ну, так наши вожди сделали это за нас, а мы молча наблюдали за этим.

– Серега, – сказал Ветковскому Виктор Сергеевич, – у тебя мания величия. Нами действительно руководили и руководят вожди. А решили они эту задачу только потому, что все, что делали, объявили благом для тех, ради кого мы с тобой работали.

– И мне от этого должно стать легче?

– Нет, если в народе сохранился ресурс пассионарности, то рано или поздно он осознает это предательство и избавится от его последствий.

– Ты полагаешь?

– Конечно. Мало того, такие встряски нужны народу, это своего рода проверка на прочность.

– Зачем такие встряски, разве мало нас трясло после войны?

– Нас хорошо трясло, но те, кто пришли позже, не получили такой встряски.

– И все же меня не покидает чувство большого предательства в отношении тех, кто тогда поверил нам, что это навсегда. Помнишь, мы медленно подбирались к руководителю одного из звеньев той, оставленной еще гитлеровцами, шпионской сети. Помнишь, как пришел к нам один из «лесных братьев» и согласился сотрудничать. Сам пришел.

– Я помню его.

– И мы поверили ему, хотя гораздо проще было не рисковать, а арестовать его. Как сейчас говорят: отчитаться арестом. Но и ты, и я, и местные товарищи понимали, что именно на таких удачах для одной стороны, в этом тайном противоборстве, основываются неудачи другой. Это сейчас им всем ангельские крылышки прилепили. А тогда от их зверств свои же соплеменники и единоверцы шарахались. И тот парень, звали его Вяхо, после одного такого рейда понял, кто больше вреда приносит его народу, и пришел к нам. А дальше...

– Вяхо? Я помню, о ком ты говоришь, а вот имя забыл. У всех нас тогда были чужие имена, возможно и даже вероятнее всего, что это не его настоящее имя.

– А дальше мы его чуть не провалили, – не слушая Виктора Сергеевича заключил Ветковский.

– Да, это так.

– А помнишь почему?

– Конечно. Есть большая разница между чутьем тех, кто сидит в лесу и расплачивается за свои ошибки свободой и жизнью, и теми, кто платит за ошибки выговором.

– Ну, мы-то с тобой были с ними на равных, и плата у нас была такая же... Это после появились всякие показатели эффективности работы что-то вроде КПД – критериев полезной деятельности.

– Так это было общее сумасшествие сверхзащищенного государства, в котором даже ордена давали на учениях за то, что артиллеристы попадали мешком с известью в условно «вражеский» танк.

– А ты помнишь, как он вывернулся из той ситуации?

– Я, прежде всего, помню ту ситуацию. Мы послали к ним своего агента. Не сообразив, что те, кто сидел в бункерах годами, имеют на себе некий отпечаток пребывания там.

– Да, и наша легенда провалилась. Их главарь отправил мнимого связника отдыхать, а сам собрал приближенных и сказал, что от связного пахнет духами, и он за всю жизнь не был в бункере больше двух дней.

– Все согласились подвесить чужака за ноги ближе к городу, в назидание нам. Но Вяхо сказал, что это ничего не даст. Нужно поиграть с агентом, сообщить ему ложную информацию о главном бункере и отпустить. И, таким образом, дезинформировать противника. Агенту передали о том, что в бункере, где он был, на следующей неделе состоится совещание руководителей подпольных групп края, и он благополучно ушел. Бункер после этого был заминирован, а банда переместилась в резервное укрытие.

– Однако Вяхо успел сообщить нам об этой хитрости.

– Да, и мы включились в игру... Стали проводить «операцию по захвату бункера», во время которой на минах «подорвались» три наших сотрудника из Москвы. Мы отправили их «трупы» поездом на родину. Наш противник отчитался об этой операции и, потеряв осторожность, стал распространять свой боевой опыт на близлежащие группы. Одной из них была легендированная группа местных коллег. Она «признала» старшинство и под руководством «более опытных товарищей» провела ряд «террористических» актов.

– А затем...

– А затем ликвидировала своих «начальников».

– Кроме их главаря. Я не помню его фамилию, но звали его Альфред. Он был кадровый немецкий разведчик. Начинать еще в абвере в «Бюро Целлариуса», входил в группу «Эрна». Кстати, он забрасывался в тыл Красной армии еще летом сорок первого, так что опыт войны из бункера у него был колоссальный, – сказал Виктор Сергеевич.

– И стрелок он был отличный, когда его пытались задержать первый раз, он применил довольно хитрый трюк и упал после первого выстрела. А когда двое преследователей подбежали к нему, он выстрелил обоим в голову. Остальная часть группы не стала его преследовать, потому что нужно было оказать помощь своим коллегам.

– Подлый прием.

– Подлый. Так полагали и его противники. И когда они второй раз вышли на него, его сразу застрелили.

– Знаешь, в любой войне или военном противодействии есть то, чего никак не продумать в штабах и центрах. Это психология тех, кто реально противостоит друг другу. Помнишь здоровенного, почти двухметрового хозяина хутора под Пярну? Он давал информацию и нам, и им. Днем он принимал и кормил нас, а ночью – их. И случались ситуации, когда мы были у него в гостях, а на его сеновале скрывались «лесные братья». И все же потом его не привлекли к ответственности за пособничество бандподполью. Потому что никто ни из наших, ни из местных не погиб.

– Так уж и не погиб?

– На этом хуторе не погиб.

– А... только на этом хуторе.

– А ты хотел бы, чтобы хозяин хутора отвечал за всех сразу?

– Ну, за всех – ни за всех, а чуть подальше своего хутора.

– Ладно, не заводись. Давай лучше помянем наших ребят, – сказал Виктор Сергеевич.

– Но только не «Беловежской», – произнес Ветковский, – у меня есть водка.

– Далась тебе эта «Беловежская».

– И тем не менее у меня нехорошие ассоциации.

– Напрасные совершенно ассоциации.

- Почему?
 - Потому что в Беларуси сегодняшней все называют соглашением о развале Советского Союза не Беловежским, а Вискулевским.
 - Почему Вискулевским?
 - Потому, что охотничий домик, где было подписание этого документа, находился рядом с деревней Вискули.
 - Я что-то слышал об этом... А правда говорят, что этот охотничий домик находится в полукилометре от государственной границы с Польшей?
 - В восьмистах метрах.
 - Значит, правда, что участники этого действия боялись, что Горбачев может прихлопнуть их, как мух, и были готовы убежать за границу?
 - У меня нет таких данных. Да и, скорее всего, это не так.
 - Почему не так?
 - Потому, что наш истеблишмент к тому времени окончательно выродился, потерял чувство реальности и жил чужими мозгами. Недаром же после подписания этого соглашения о нем информировались те, кто в наше с тобой время относился к странам главного противника.
 - Как ты сказал, истеблишмент?
 - Ну да.
 - А ладно... Давай выпьем.
- Они выпили по рюмке водки, закусили тем, что было на столе у Ветковского и продолжили разговор.
- Я догадываюсь, зачем ты приехал сюда.
 - Я тоже догадываюсь, но не больше, – ответил Виктор Сергеевич.
 - Давай еще выпьем.
 - Давай, но это будет последняя.
 - Почему?
 - Потому, что мои сосуды большего принять не могут.
 - Разведчик, который не пьет – не разведчик.
 - Ты спутал разведчика с дипломатом.
 - А чем разведчик отличается от дипломата?
 - От дипломата не знаю. Знаю, чем дипломат отличается от верблюда?
 - И чем же?
 - Верблюд может неделю не пить.
 - Ты это сам придумал?
 - Нет, это мне сами дипломаты рассказали.
 - Тогда все правильно, они знают, что говорят.
- Они выпили еще по рюмке, а потом Ветковский сказал:
- Откажись от предложения.
 - Почему?
 - Почему? Сейчас поясню, – сказал он, налил себе еще рюмку водки и выпил.
 - Так почему?
 - Щас, щас, – произнес Ветковский. Он встал из-за стола и направился к некоей технической системе. Нажал кнопку, и в комнате зазвучали слова:

Оттуда-то подельник мой возник.
Мы встретились и лягнули с разбега,
Заделали свой маленький пикник
По случаю последнего побега.

Налей, Сергей, налей, Серега,
Перекрестись и вспомни Бога.
Налей и закуси, и отдыхай
За то, что промахнулся вертухай...

Б.Н. История вторая

После очередного утреннего совещания Михаил Федорович просит меня остаться.

– Посмотри, – говорит он, – один из наших перебежчиков год назад уехал из Мюнхена в США. Он активно печатался в «Посеве». Сделай анализ его публикаций и просмотри черновые записи.

– Цель? – говорю я так, как бы задал дяде Мише вопрос дядя Женья.

– Возможная дискредитация структур, которые занимаются перебежчиками. Там, – он кивает на записи, – есть интересное наблюдение и упоминание о батальоне проституток, которым платят за тех, кого им удастся сманить на Запад.

Я знаю конек Михаила Федоровича.

– Если бы не было искусственного перетягивания «восточников» на Запад, количество перебежчиков было бы одинаковым, – говорит он, – где-то чуть более полутысячи в год.

С этим можно согласиться, за десять послевоенных лет пропагандистская машина визави сделала свое дело. В Западной Германии существует целая система фильтрационных лагерей для перебежчиков. Кладезь информации для разведок. Среди огромного количества «восточников», то есть немцев из Восточной Германии, есть там и наши соотечественники. И не только гражданские лица, но и дезертиры, и разведчики. Впрочем, в противостоянии разведок всегда есть такой элемент, как охота за сотрудниками друг друга. Но вот так просто охотиться не имеет смысла. Для того чтобы перетянуть на свою сторону сотрудника визави, нужно создать условия. Например, все время говорить, что ты работаешь на плохую разведку плохой страны. А есть хорошие страны и хорошие разведки. Так что меняй хозяев.

А можно на этом фоне спровоцировать представителей оппонента на поступок, который компрометирует его в глазах руководства, и тогда сотруднику вообще некуда деваться.

Время от времени то одна, то другая сторона празднуют маленькие победы. И если в политике государств нет кардинальных перемен или смены политических ориентиров, лидеров, этот процесс выглядит вполне обычным в год по одному-два человека. Словно размен осуществляется.

Для нас в этом отношении был весьма тяжелым период с 1953 по 1956-й. Умер Сталин, и тут, как из рога изобилия, то массовые выступления в Восточной Германии, то путч в Венгрии и, конечно, резкое возрастание количества перебежчиков с нашей стороны. В это время перебежали на сторону противника исполняющий обязанности резидента внешней разведки в Австралии подполковник Петров и его жена. Сотрудник внешней разведки в Японии Юрий Растворов. Сотрудник внешней разведки в Австрии майор Дерябин. Капитан Хохлов в Западной Германии. С 1953 года стал сотрудничать с ЦРУ и сотрудник военной разведки подполковник Попов. Он работал в Вене и влюбился в австрийку. Эта любовь обходилась ему дорого в буквальном смысле, и он решил сдать ЦРУ.

Уединяюсь в кабинете, начинаю читать записки. Они написаны человеком не без литературных способностей. Откладываю бумаги, берусь устанавливать личность автора, потому что фамилия Крымов – это, скорее всего, его литературный псевдоним.

Петр Комков его настоящие имя и фамилия.

Устанавливаю обстоятельства бегства Комкова в Западную Германию. Ничего криминального, ссора с руководством, причины которой не вполне ясны, откомандирование в Советский Союз.

А вот дальше – интереснее. Выписываю фактуру, которая может пригодиться для неких обобщений. Любопытная вырисовывается картина судьбы перебежчика, написанная почти искренно, только с долей самооправдания и самолюбования. Но это свойственно человеку вообще, тем более человеку, в подсознании которого сидит чувство вины за свой поступок.

«Подал я заявление о приеме на работу оператором электропечи, которая предназначена для жарки кукурузы. В заявлении сообщил, что был ведущим инженером в Советской Военной Администрации и руководил десятками крупнейших электрозаводов и, разумеется, способен управлять одной электропечью. Но мне отказали. И даже честно сказали, почему: как политически неблагонадёжному.

“Чёрт бы вас подрал, – думал я, – стоило бежать из Советского Союза, по причинам неблагонадёжности, чтобы стать неблагонадёжным тут”.

Чтобы убить время, я написал несколько очерков из жизни в США, назвав ее главный штаб “Берлинским Кремлем”. Очерки напечатали в “Посеве”».

И действительно, «Посев» печатал его регулярно.

Что же подтолкнуло его к выезду в США?

«Пробовал эмигрировать во Францию, – писал далее автор записок, – отказали. Пробовал в Австралию – отказали. Как политически неблагонадёжному. При этом в третий раз таинственно исчезли все мои документы. Те, кто эмигрировал раньше меня, уверяли, – все американские чиновники, имеющие отношение к эмиграции, – это международная шпана, коммунистические попутчики, советские агенты или просто воры, которые продадут на чёрном рынке даже свою родную мать и которые, без сомнения, продали все мои документы и анкеты, где от меня требовали всю правду, в советскую разведку. Впрочем, я уже сталкивался с ними в Камп-Кинге⁸, где персонал лагеря прикарманил мои 5000 рублей, золотую булавку для галстука и даже дешёвый портсигар из желтого металла.

Впрочем, я был бедный человек. Но там были полковники и генералы СС и гестапо, у которых были мешочки бриллиантов. Так вот за ними и охотилась американская разведка. Они сидели в Германии и занимались мародерством. Если говорят, что русские солдаты у немцев часы забирали, то американцы воровали по-крупному. Причем из моей работы с перебежчиками я знал примеры воровства более серьезного. Там был такой еврей по фамилии Ольшванг, который работал в советской администрации и заведовал пунктом по приему золота у немцев. Потом он собрал мешочек золота и немножко бриллиантов и решил: “Что я, дурак, отдавать это советской власти?!” – и сбежал в американскую зону. Американцы обрадовались: вот, прибежал хороший человек и принес нам мешочек золота, обокрали его, а потом выбросили».

Далее Крымов писал, что отношение к перебежчикам изменилось в связи началом психологической войны. Фундаментом ее были не столько разведки и их структуры вроде «Голоса Америки» и радио «Свобода», сколько Гарвардский университет, разработавший не только концепцию размывания советского строя, но и выделивший тот контингент, обработку которого необходимо было осуществить для достижения вышеуказанной цели. В то время и было создано Центральное объединение послевоенных эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), оно объединяло всех «новейших» эмигрантов и это тоже была база для ведения психологической войны против Советского Союза.

«Американцы народ практичный, – писал Крымов. – Чтобы повысить приток перебежчиков, американская разведка в порядке психологической войны создала в Берлине специальный батальон из проституток, чтобы переманивать на Запад советских офицеров. Дело поставили на широкую ногу, и проституткам платили по твёрдому прейскуранту: за

⁸ Камп-Кинг (королевский лагерь) – фильтрационный лагерь в американской оккупационной зоне.

лейтенанта 20 000 марок, за капитана – 25 000, а за майора все 30 000 марок. Но шутки с любовью чаще всего кончались плохо. Люди, которых переманивали на Запад при помощи проституток, женщин или мужчин, вскоре догадывались, что их обманули, чувствовали себя как рыба, выброшенная на песок, спивались, опускались на социальное дно и в конечном результате как последняя форма бессильного протеста уходили назад в СССР – на верный расстрел».

Здесь опять чувство меры и вины, а может, и желание еще раз показать значимыми причины бегства за рубеж делали записки Крымова неадекватными обстановке. Чувствовалось, что записки написаны для того же «Посева» и рассчитаны на тот же контингент, который выделили спецы Гарвардского университета. На самом деле, возвращавшийся в Союз перебежчик мог нести ответственность только за преступления, которые совершил. И если в отношении него не было приговора об осуждении его к высшей мере наказания, то и о расстреле не могло идти речи.

Но в остальном Крымов был точен. Чуть более полугода назад я знакомился со справкой по Отделу спецопераций ЦРУ, который разработал «международную программу стимулирования дезертирства». Она включала в себя проведение целого ряда спецопераций в различных странах и против различных объектов – от населения ГДР и ГСВГ, других групп советских войск за границей СССР, до советских колоний за рубежом, посольств и даже резидентур советской разведки. Проводившиеся Берлинской Оперативной базой ЦРУ оперативные мероприятия в рамках этой программы получили название операции «Рэдкэп». Особый упор делался на осуществление конспиративных вербовочных контактов с советскими военнослужащими, сотрудниками СВАГ и спецслужб, МИДа и других государственных учреждений. Одной из особенностей операции «Рэдкэп» ЦРУ – было массовое использование агентов-женщин.

«Когда они приходили, о них до небес кричали “Голос Америки” и радио “Свобода”, что они “избрали свободу”, – писал далее Крымов, – когда они уходили назад – гробовое молчание. Как в хорошем похоронном бюро. Или, чтобы замести следы, распустият грязный слушок.

Итак, если раньше американская разведка обворовывала советских перебежчиков и отправляла их назад – на расстрел, то теперь они уходили на расстрел сами. Уходя, они открыто говорили:

– Американцы? Да они же все проститутки. Пусть нас лучше свои расстреляют!»

Последнее наблюдение было весьма точным. В нем проявлялся характер наших соотечественников в экстремальных обстоятельствах.

Быстро просмотрев записки до конца, я выписал еще несколько абзацев для некоего заключения и занялся текущими делами, давая выпискам из рукописи Крымова отлежаться в моем сознании, чтобы впоследствии заложить их в документ для Евгения Петровича.

Расим

Прошло три дня. Расим ходил на пляж, обедал в ресторане, заглянул в баню и тренажерный зал. В любое другое время все это доставляло бы ему удовольствие. Но после провокации и ночи в полицейском участке его уже ничего не радовало. Он чувствовал искусственность ситуации, в которой оказался. Его словно обставляли со всех сторон забором из кольев, оставляя только один выход – именно там должна ждать последняя ловушка, из которой ему уже не выбраться.

Он лежал на пляже и думал, что те, кто выстраивал этот часток, знали, что делают, и не торопились. Клиент должен созреть.

А что оставалось делать ему?

Отдаться течению и надеяться, что где-то в изгибах реки под названием жизнь вдруг покажется ивовый куст, который склонился над рекой ниже обычного. И тогда он сможет за него ухватиться и выбраться на берег. А пока...

– Плыдем по течению, плывем по течению, – произнес он вслух и потянулся.

– Куда это ты плывешь? – услышал он знакомый голос.

Расим перевернулся на спину, сел и ответил:

– Медитирую, учусь плавать таким образом.

– А ты не умеешь плавать? – спросил Фарук, устраиваясь рядом на свободном лежаке.

– По большому счету не умею. Я вырос в безводном районе.

– Но ты же держишься на воде?

– Держусь, но это совсем не то, что умею и люблю плавать. У нас на факультете был профессор, который читал историю славянских народов. Так он вырос с Туапсе. Вот он умел плавать. Причем плавал так же свободно и спокойно, как мы ходим. Я, например, в детстве любил уходить в лес на половину дня. И это доставляло мне большое удовольствие. А он мог по несколько часов быть в море и при этом не только не чувствовал усталости, но и получал кайф от этого.

– Мне кажется, ты, как это у вас говорят, обедняешься.

– Прибедняешься.

– Пусть так, но не уходи от вопроса.

– Да куда же мне уходить? Я, как Хаджи Мурат, связан, а конец веревки...

– Кто такой Хаджи Мурат?

– Вот те на! Ты же учил русскую литературу. Хаджи Мурат – это герой одноименной повести Льва Толстого. Он перешел во время Кавказской войны в девятнадцатом веке на сторону русских войск. Но ничего не сделал, так как был связан тем, что его мать и сын находились в заложниках у имама Шамиля.

– Ты намекаешь, что ты связан?

– Конечно. Только не пойму, у кого в руках конец веревки, которой я связан.

– У полиции, у полиции, – сказал Фарук. – У кого же еще может быть этот конец? Но вернемся к твоему безводному району. Такой ли он безводный? Ведь там, если посмотреть на карту, протекает река Неман. А это, судя по справочникам, одна из крупных рек Белоруссии.

– Если смотреть по крупномасштабной карте, то Неман действительно там протекает. Но на самом деле он находится в полутора десятках километров от Ивье.

– И ты не ездил туда купаться на велосипеде?

– Нет, не ездил. А ты полагаешь, что все мальчишки в Белоруссии ездят купаться на велосипедах, или ты читал об этом?

– Конечно, читал, – сказал Фарук. – Откуда бы я мог знать об этом?

– Да действительно, зачем я спрашиваю...

– Ты вырос в мусульманской семье, но являешься атеистом. Это твой выбор или выбор твоих родителей?

– Это мой выбор, но он стоит на фундаменте мировоззрения моих родителей. Отец у меня был, как тогда называли, совпартработником. Хотя, точнее сказать, партсовработником. Потому что он работал сначала в райкоме партии, потом партия направила его в райисполком, а чуть позже друзья по партийной школе помогли ему перебраться в Минск на почти рядовую, но зато спокойную работу в архиве.

– И какое влияние это оказало на твое мировоззрение?

– Самое прямое. Отец был честным коммунистом и атеистом, и в такой семье я не мог быть верующим. Мало того, в универе я взялся за исследование Ахундова, а тот, как тебе известно, тоже не был идеалистом, его взгляды были скорее материалистическими.

– Но это было в советское время, тогда религия была под запретом...

– Меня всегда удивляло то, что все, кто не был и не жил там, где было это советское время, разбираются в этом времени гораздо лучше, чем те, кто там жил. Они четко знают, что у нас было и что должно быть после того, как это время закончилось. А также, что было под запретом, а чего не было.

– Так и должно быть, – нисколько не смутился Фарук. – Вы не могли видеть этого, потому что были в центре этого мира, а мы смотрели на него издалека.

– Слушай, а если бы я приехал к вам в Каморкану и стал бы вот так бесцеремонно давать советы, что было бы со мной?

– Если бы ты стал это говорить мне один на один, я бы тебя распропагандировал, но если бы ты сделал это на улице, тебя бы выслали из страны. Иностранцы должны уважать обычаи страны пребывания. А ты в данном случае – иностранец.

– Точно.

– Я пришел, чтобы предупредить тебя, сегодня приедет Эрдемир. Возможно, привезет твои деньги. Так что будь готов.

– В каком смысле?

– В моральном, в каком еще.

– И когда это будет?

– Сегодня.

– Ладно, я пойду, окунусь – и в номер, – сказал Расим.

Он поднялся с лежака и направился к воде.

Зайдя в море по шею, Расим окунулся с головой, вынырнул на поверхность и поплыл. Соленая вода Средиземного моря хорошо держала на поверхности, и ему даже показалось, что он может вот так плыть и плыть и добраться до противоположного берега и, таким образом, выбраться из капкана, в который попал.

Расим снова погрузился в воду, задержал дыхание и вспомнил одного из героев Джека Лондона, который обманул любовь к жизни, погрузившись слишком глубоко. Он заставил себя сделать то же самое, но ноги его коснулись дна. Он оттолкнулся от него, вынырнул и поплыл обратно. Не стоило убегать от обстоятельств, лучше было идти им навстречу.

Фарук ждал его на берегу. Лицо его выглядело озабоченным.

– Ты же говорил, что не умеешь плавать? – сказал он.

– Так оно и есть, – ответил Расим. – Я могу, пока есть силы, молотить руками и ногами по воде, и это держит меня на поверхности. Стоит мне прекратить это делать, и я иду ко дну.

– Ладно, пойдем в отель.

Они пересекли пляж с огромными зонтами над лежаками, миновали открытый бассейн с необычайно голубой водой, обогнули душевые кабинки и взошли на крутой арочный мостик, который был перекинут через широкий искусственный ручей, змеей протекавший по территории отеля.

– Ты прими душ, – сказал Фарук Расиму, когда они вошли в корпус отеля, – но на ужин не ходи.

– Почему? – спросил Расим.

– Эрдемир приглашает нас отужинать в отдельном кабинете.

– Лады, – ответил Расим, – зайдешь за мной.

Виктор Сергеевич

На следующий день он снова сидел перед бывшим учеником.

– Руководство дало «добро» на проведение операции, – сказал тот. – Прямо сейчас мы едем на «виллу» и разговор продолжим уже там.

«Виллами» назывались конспиративные квартиры, в которых имитировалась обстановка стран, где предстояло работать будущим легалам и нелегалам. Но на этот раз та, куда они приехали, напоминала обычную дачу, чем-то похожую на дом на Рублевке.

«Елки зеленые, – с горечью подумал вдруг Виктор Сергеевич, – Коля не рискнул везти меня на “виллу”, потому что в случае провала нужно будет как-то объяснять начальству пребывание там своего бывшего преподавателя. И привез на дачу одного из сотрудников...»

– Виктор Сергеевич, – сказал бывший ученик, когда они расположились в креслах в одной из комнат липовой «виллы», – разумеется, вы понимаете, что последние действия Госдепартамента США нарушили нашу сеть, а, по сути...

– А, по сути, разрушили резидентуру.

– Да, это будет точнее.

– Нами, а точнее вами, когда-то был законсервирован ценный агент, псевдоним которого «Джонатан». Вам известен этот человек?

– Коля, – позволил себе некоторую фамильярность Виктор Сергеевич, – помнишь, в советские времена был такой популярный персонаж мультфильмов и детских анекдотов – Чебурашка?

– Да...

– Так вот, однажды Крокодил Гена спрашивает его: «Чебурашка, ты меня слышишь?»

– «Гена, – отвечает Чебурашка, – ты на мои уши посмотри. Могу ли я тебя не слышать».

– А при чем здесь Чебурашка? – недоуменно спросил начальник отдела.

– При том, что я вербовал «Джонатана», работал с ним, а потом и потребовал на определенный период его консервации, потому что уж очень удачно мы сработали тогда, и контрразведка могла его вычислить. Но «Джонатан» работал со мной в Канаде.

– А сейчас он перебрался в Штаты, и у него прекрасные позиции там. Мы были бы очень благодарны вам, если б вы сумели восстановить с ним связь и передать его другому сотруднику.

– Я понимаю, что нет смысла отказываться, потому что я уже дал согласие на операцию. Так?

– Так.

– Тогда у меня условие. Я разрабатываю вход в операцию сам, сам осуществляю ее, и сам возвращаюсь обратно, но не в Москву, а в Минск. Там я встречаюсь с вами и...

– Но, Виктор Сергеевич!

– Никаких «но», Коля. У меня с вами нет никаких официальных отношений, я, по сути дела, осуществляю все это на свой страх и риск и не хочу...

– Виктор Сергеевич, я помню выражение старых «черных» полковников: сила советской разведки была в том, что она черпала кадры из контрразведки. Но сегодня другие времена. Здесь все, как в спорте. Раньше, в тридцатые годы или даже после войны, массовость давала чемпионов, теперь все иначе. Чемпионов готовят сразу и единично. И в разведке происходит то же самое.

– Скверно, что ты сравниваешь разведку со спортом. Ведь дело не в массовости, а в том, что, только пройдя школу контрразведки, разведчик может реально сам, не опираясь на систему, уберечься от контрразведки противника. А потом, ты же понимаешь, если в Штатах разгромлена резидентура, то произошло это отнюдь не потому, что хорошо сработала их

контрразведка. А потому, что в недрах разведки в России завелся «крот», который показал противнику конец веревочки, за который они уцепились.

– Я понимаю, к чему вы клоните, Виктор Сергеевич...

– Коля, я не клоню, я прямо говорю. Я не стану разрабатывать операцию с вами сообща, дабы быть уверенным, что она не провалится. О ее деталях будут знать только двое: ты и я. А о моем пути в Канаду не будешь знать даже ты.

Коля усмехнулся.

– Что тебя веселит? – спросил Виктор Сергеевич.

– Вспомнил Б.Н., – сказал Коля, – он часто говорил нам, что в тогдашнем КГБ было три уровня конспирации. Обычный, когда о деталях проведения операции знают двое – сотрудник и его начальник. Повышенный, когда о том, что делает сотрудник, не знает даже его начальник. И сверхконспиративный, когда сам сотрудник не знает, чем он занимается.

– Это хорошо, что ты вспомнил Б.Н. Так как мои условия?

– Принимаются. Но как же работа с документами, удостоверяющими личность? Вам ведь нужно будет пару раз поменять их на пути к стране...

– Нет, Коля. Я буду Виктором Сергеевичем на всем протяжении моего пути. Нет смысла в смене установочных данных, тем более что я собираюсь направиться в пункт назначения не из Минска, и не из Москвы. Тебя это не удивляет?

– Нет... Ваш человек через пару недель собирается на отдых на Гавайи. Нам уже известен отель, где он на какое-то время остановится.

– Коля, а почему вы сами на него не вышли? У нас был разработан механизм восстановления связи? Опять специфика момента?

– Виктор Сергеевич, после такого провала все очень осторожны. А агент ценный и...

– Все ясно, можешь не продолжать. Как приятно работать с профессионалами...

– Я тоже рад работать с вами, вы понимаете меня с полуслова.

– Прекрасно, а теперь вернемся к операции. Давай прикинем самую проигрышную ситуацию, когда контрразведка сидит на хвосте у двух иностранцев, которые прилетели на Гавайи из США и России.

– Гавайи – пятьдесят первый штат США и прилет туда канадца, который на данный момент является не только сотрудником одного из отделов Госдепартамента США, но и гражданином Соединенных Штатов, не вызовет беспокойства у контрразведки.

– Прекрасно, тогда мы еще более разбавим ситуацию.

– Каким образом?

– Второй прилетит или приедет не из России и не из Белоруссии.

– Отлично.

– Тогда так и сделаем. Я еду в Прибалтику и уже в зависимости от того, как мне удастся возобновить мои старые связи, выезжаю в одну из европейских стран.

– А оттуда на Гавайи?

– Разумеется.

Б.Н

На следующий день меня вызвал начальник отдела.

– Как справка? – спрашивает он.

– Вылеживается, – отвечаю я. – Вы ведь не установили срок ее представления.

– Хорошо, что не выёживается, – говорит начальник. – Это, конечно, правильно, любой документ должен вылежаться, но имей в виду, вылеживаться он должен у руководства. А у тебя он, конечно, может вылеживаться, но очень непродолжительное время. Понял?

– Да, конечно.

– Но я пригласил тебя по другому поводу. Евгений Петрович положительно оценил твой вояж в Деггендорф и предложил тебе осуществить акцию по снижению или прекращению деятельности газеты «Прорыв».

– Но я не знаю такой газеты.

– «Прорыв» – новая газета, ее создают ястребы «Посева», несогласные с политикой «Посева» и считающие, что «Посев», если и не идет на поводу у КГБ, то уж обставлен его агентурой точно.

– Они недалеко от истины, – говорю я.

– Конечно, недалеко, – отвечает начальник, передавая мне материалы. – Но нам-то зачем лишняя головная боль? Короче, изучай обстановку, докладывай мне свои соображения, пиши план мероприятий по достижению указанной цели и имей в виду, она у тебя на первом месте, мемуары Крымова – на втором, а вся текучка – на третьем.

«Прекрасно, когда начальство определяет за тебя приоритеты. Знаешь, чем заниматься», – думал я, возвращаясь к себе в кабинет.

Материалы, а это были несколько листов, рисовали следующую картину.

Исполняющий обязанности ответсекретаря «Посева» Наумович собрал группу сотрудников редакции и решил создать новую газету. В этом не было ничего удивительного, потому что в любом коллективе есть борьба за лидерство, и если кто-то в этой борьбе проигрывает, то он должен уйти. Причем уйти он чаще всего желает так, чтобы сохранить свое лицо. Дескать, я ухожу, потому что все здесь продались Советам. Однако сделать это можно, но где в Германии ты найдешь другую работу? Значит, это опять финт фонда Н., которому, видимо, выделили новые средства, и он решил отчитаться созданием новой газеты.

Срочно нужен список ее будущих сотрудников, место ее дислокации. Начнем опять с похода к Ефимову.

Ефимов встретил меня не очень любезно.

– Если ты опять пошлешь меня на внеочередную встречу в Западный Берлин, я тебя пошлю тоже, – сказал он мне.

– Николай, я не твой начальник, чтобы посылать тебя куда-либо. Я даже не попрошу тебя дать мне литературное дело. Расскажи мне, что там с новой газетой?

– Я так и думал... – ответил Ефимов. – Обстановкой владею я, а активные мероприятия по моим объектам проводишь ты.

– Но я-то тут при чем? У меня внешность немецкая, вот дядя Женя и завершает мной операции. Ты-то куда поедешь со своей рязанской физиономией? Если ты, конечно, против, то я доложу дяде Мише...

– Нет, нет, – ответил на это Ефимов, – я все тебе скажу. Некто Наумович – человек с комплексом Наполеона. Кстати, как ответсекретарь он слабый, поскольку тут нужно быть и профессионалом и буквоедом, а он «человек высокого полета». Во всяком случае, сам он себя именно таковым считает. Не знаю уж как, но он вышел на представителей фонда напрямую, и не то заинтересовал, не то он убедил их, что нужно создать новую газету. Те с ним

согласились. Согласились, потому что «Посев», при всей его антисоветской направленности, все же пытается достичь своих целей, печатая, разумеется, антисоветчиков, но антисоветчиков, владеющих пером и с определенными публицистическими способностями.

– А американцам сие не понятно, они полагают, чем прямой и грубей будет пропаганда, тем... Тем она быстрее достигнет своих целей?

– Да нет, – поморщился Ефимов, – тем проще за нее отчитаться, как за антисоветскую.

– Теперь понятно, почему уехал в Америку Крымов. Ему стало неинтересно...

– И здесь ты не прав, – сказал Ефимов, – Крымов много говорил о проститутках, которые склоняют наших военнослужащих к бегству за рубеж. Но сам попался в «сладкую ловушку».

Мне было любопытно узнать, почему же такой психолог, как Крымов, попал в ловушку, которую устраивали другим его кормильцы из ЦРУ, но я не стал задавать уточняющие вопросы Ефимову, поскольку они не относились к предмету нашего с ним обсуждения.

– В общем, американцы финансируют и «Посев», и новую газету. Тираж ее пока небольшой, дислоцируется она в Мюнхене по улице Электраштрассе. Там они арендуют небольшое, но весьма удобное помещение. У Наумовича проявились коммерческие способности. Он кое-что экономит на бумаге.

– Что значит на бумаге?

– На бумаге, значит, на бумаге. Он закупил по дешевке несколько рулонов бумаги и отдает их в типографию для печатания газеты.

– Много имеет на этом?

– Не знаю, но факт этот характеризует его довольно контрастно.

– У него есть правая рука?

– Да, это Наталья Коледун. Именно она его правая рука и любовница.

– А конкурент, который бы хотел занять его место?

– Нет, такого конкурента у него нет. Во всяком случае, пока нет, потому что он пригласил в редакцию тех, кто видит в нем благодетеля.

– И все же мне непонятно, для чего американцам две газеты, которые занимаются одним и тем же?

– Вторая газета будет активнее первой, и первая, чтобы оправдать вложенные деньги, бросится доказывать свою антисоветскость. Следовательно, они активизируют свою работу, а нам нужно их активность все время подавлять. В этом суть противоборства. И я понимаю, почему ты задаешь мне такие вопросы, но на этот раз у тебя ничего не получится.

– Ты полагаешь?

– Конечно. Эти ребята иногда, чтобы обратить на себя внимание, могут сами бомбу взорвать в редакции ночью, когда в помещении никого нет. Им это только на руку. Так что ты со своими методами не сможешь снизить их активность.

– А какие у меня методы?

– Ну, те, что ты применял в Диггендорфе.

– Коля, это не методы, а метод. И выбор метода, как говорит наш благословенный шеф, зависит от...

– Знаю, знаю, от оперативной обстановки.

– Правильно. А в чем проявлялась в «Посеве» ястребиная сущность Наумовича?

– В постоянном требовании активности и наступательности.

– Смотри-ка... А он не работал в партийных органах?

– Работал. Он занимал довольно высокое положение в отделе агитации и пропаганды какого-то обкома партии.

– Какого именно?

– Не знаю, он это не афиширует. А тебе это зачем?

- Вдруг земляк окажется, все ниточка к контакту.
- Ну, он как был самым честным и правильным у нас, таким продолжает быть и у них. Характер не меняется, только знак и направленность деятельности.
- Слушай, а как его приняла эмигрантская среда с такой советской и даже большевистской биографией?
- А как принимают наших сотрудников-перебежчиков?
- Ну, те нужны противнику, как источник информации...
- И здесь на первых порах то же самое.
- Это на первых порах.
- А потом, как себя покрасишь. Видишь, каким антисовестки правильным стал Наумович. Он самый ястребиный, а значит – нужный. Вот он и устроился хорошо. Но амбиции не дают ему успокоиться. Он и из Союза сбежал, потому что почувствовал, что его карьере конец, его чрезмерный пыл и интриганство заколебали всех.
- И ему дали понять...
- Конечно, ему сказали: не шагай так широко – штаны порвешь, а он обиделся и убежал на Запад.
- Может, это и к лучшему, одним интриганом в Союзе меньше будет...
- Ладно, ты же не по интриганам работаешь, что тебе нужно еще?
- Давай список сотрудников.
- Отпечатаю и пришлю через секретариат, – обещает Ефимов.
- Твой «Бразилец» вхож в эту редакцию?
- Нет, а зачем это тебе?
- Должен же кто-то отследить результаты активного мероприятия.
- Должен же кто-то, должен же кто-то... – ворчит Ефимов. – Знаешь, есть такой анекдот, его камрады особенно любят.
- Я, конечно, знаю, что за анекдот сейчас мне расскажет Ефимов, но не хочу его обижать и говорю: нет, не знаю, рассказывай, любопытно будет узнать.
- Ефимов оживает.
- Что такое пьянка по-русски?
- Не знаю, – говорю я, включаясь в игру. И понимая, что сейчас он расскажет анекдот, который знают все в учреждении дядя Жени.
- Это ящик водки, ящик пива, полкило колбасы и собака, – говорит Ефимов торжественно.
- А собака зачем? – спрашиваю я. – После выпитого поговорить?
- Нет, собака нужна для того, чтобы колбасу есть.
- Сильно! – отзываюсь я. – А хочешь, я расскажу тебе другой, профессиональный анекдот?
- Хочу, – отвечает Ефимов и берет в руки карандаш, чтобы записать анекдот.
- Взяли как-то американцы трех нелегалов: французского, английского и советского.
- Этого не может быть, – говорит Ефимов.
- Не может быть потому, что их невозможно арестовать, или не может быть потому, что у них обязательство друг против друга не работать?
- Они не работают друг против друга.
- Коля, они заявляют, что не работают друг против друга, а на самом деле выполняют заказы или указания своих правительств. Перед началом Первой мировой войны Россия, если тебе известно, была союзницей Франции. И вот во Франции изобрели бездымный порох. Он был эффективнее дымного по мощности, но, главное, не создавал проблем при стрельбе в артиллерии. Россия намекает Франции, что нужно бы поделиться секретом

с союзниками. Но та делает вид, что ничего не знает. И тогда во Францию едет, кто бы ты думал?

– Представитель Генштаба, артиллерист? – гадают Ефимов.

– Нет, химик Менделеев. Ему устраивают экскурсию по заводу, где изготавливается этот порох. Он незаметно берет с конвейера патрон и кладет себе в карман.

– Так просто? – удивляется Ефимов?

– Не торопись, – говорю ему я. – Менделеев был великий химик, но никудышный вор.

– Его поймали?

– Офицер, который его сопровождал, понимал цель визита Менделеева на этот завод и внимательно следил за ним. Он, конечно, заметил кражу материального носителя секретной информации и попросил Менделеева положить патрон на место. Сделал он это в вежливой форме, но достаточно настойчиво. Менделееву было неловко, он положил патрон на конвейер и ушел с завода. Но задание военных нужно было выполнять, и он поступил уже как настоящий профессионал от разведки. Он пошел на ближайшую железнодорожную станцию и посмотрел визуально, а также по справочникам, какие грузы идут на завод. По ним он и составил рецепт бездымного пороха.

– И эти грузы не были засекречены? – удивляется Ефимов.

– Тогда до этого никто не додумался, – говорю я, вставая со стула. – Пока.

– А анекдот? – просит Ефимов. – Ты же обещал.

– Ах, память девичья, – отвечаю я, – совсем забыл. В общем, арестовывают трех нелегалов, выясняют, что все они нанесли Америке ощутимый вред, и приговаривают их к смертной казни. А до приведения приговора в исполнение помещают их в одну камеру. Перед лицом смерти они все сдружились...

– Еще бы, – говорит Ефимов. – А ты бы не сдружился?

– Не знаю, – отвечаю. – Я на себе не показываю, примета плохая. Так вот, приходит день приведения приговора в исполнение. Первым ведут на казнь англичанина. Приводят его в некую комнату и с большим понтом говорят, что он находится в самой демократической стране мира, а поэтому у него есть право выбирать способ казни. Либо электрический стул, как это принято в Америке, либо повешение, как это принято в Англии.

– Конечно, электрический стул, – говорит англичанин. – Повешение – это так примитивно.

Садят его на стул, включают рубильник. Но, небывалое дело, тока нет.

– А как же освещение в комнате? – спрашивает Ефимов. – Это должна быть комната без окон.

– Не знаю, – отвечаю я. – Может быть, в США электрические стулья питаются не от бытовой сети.

– А-а, – произносит Ефимов, – тогда понятно.

– Перед англичанином извиняются, говорят, что дважды приговор в исполнение не приводится, ему повезло, и уводят его обратно в камеру, а навстречу уже ведут француза.

– Тока нет, – говорит ему англичанин.

– Понял, – отвечает ему француз.

Приводят француза в ту же комнату и говорят ему: вы находитесь в самой демократической стране мира, а поэтому выбирайте – гильотина, как во Франции или...

– Или, или... – говорит француз. – И побыстрее.

А далее происходит то же самое – тока нет, и француза ведут обратно, а навстречу ему – советский нелегал.

– Тока нет, – говорит ему француз.

– Понял, – отвечает ему наш.

– А на каком языке сказал это француз? – спрашивает Ефимов.

– А это так важно? – начинаю злиться я.

– Ну, конечно, – говорит Ефимов. – В противном случае он ничего бы не понял.

– Ладно, – говорю я примирительно, – они там друг друга обучали французскому и русскому языку, поэтому француз сказал это русскому на знакомом языке.

– А-а, – произносит Ефимов, – тогда понятно.

Мне уже не хочется рассказывать анекдот до конца, ведь в процессе рассказывания анекдотов, как и в вербовке, участвуют две стороны: вербовщик и вербуемый. И если они не являются родственными душами, или вербовщик не нашел в душе вербуемого некую грань, которая близка и понятна ему, ничего из такого сотрудничества не выйдет. Ничего не выйдет сейчас и у меня.

– Ну! – торопит меня Ефимов. – А потом?

– А потом приводят советского нелегала в ту же комнату и говорят ему те же слова про самую демократическую страну в мире и предлагаю выбор: электрический стул, как в США, или расстрелять, как в СССР...

Я делаю паузу, потому что на этом месте любой сотрудник нашего отдела завершил бы мою мысль, но только не Ефимов.

– И что он сказал в ответ? – следует вопрос Ефимова.

– Он, сказал: конечно, расстрелять, у вас ведь тока нету.

– А почему он так сказал, он что, не понял француза? – удивляется Ефимов.

– Конечно, не понял, Коля, конечно, иначе он так бы не сказал, – говорю я и ухожу, чтобы Ефимов не задал мне еще какой-нибудь вопрос, на который у меня уже не будет сил ответить.

Расим

Войдя в свой номер, Расим закрыл дверь, разделся, принял душ, приготовил одежду для вечернего выхода «в свет», бухнулся на постель и укрылся простынею.

Он хотел заставить свой мозг просчитать варианты сегодняшнего вечера, но в голове был такой сумбур, что он отказался от этой затеи и просто закрыл глаза и расслабился.

Звонок телефона разбудил его. Было около восьми часов вечера. Расим дотянулся рукой до телефона и снял трубку. Звонил Фарук.

– Выходи в холл, – сказал он, – я жду тебя там.

Расим вскочил и почему-то порадовался, что смог заснуть и не дергался, обдумывая предстоящую встречу. Он сполоснул лицо, наскоро почистил зубы, оделся и вышел в коридор. Затем спустился на лифте в холл, где увидел Фарука, который почему-то нервничал.

– Что случилось? – спросил его Расим.

– Мы опаздываем, – ответил Фарук, – идем быстрее.

Они спустились в цокольный этаж, зашли в некое заведение, в котором в отличие от большого ресторана отеля был маленьких ресторанчик, и прошли в загородку, которая отделяла сидящих в ней от общего зала, но позволяла видеть все, что в этом зале делается.

Столик в «загородке» был сервирован на троих.

– Ну вот, – сказал Расим, – а ты нервничал. Эрдемира еще нет.

– А ты хотел, чтобы он ждал нас здесь? – произнес Фарук. – Нет, брат, это не у вас в России. У нас в Каморкане не босс ждет подчиненных, а подчиненные ждут босса.

«Ни хрена себе, – подумал Расим, – я уже стал подчиненным Эрдемира... Впрочем, возможно, речь идет не обо мне».

Эрдемир появился через четверть часа. Он по-хозяйски вошел в «загородку», кивнул присутствующим и о чем-то спросил Фарука.

Тот ответил ему, явно смутившись.

В это время появился толстый официант и принес меню в кожаных корочках. Но Эрдемир что-то сказал Фаруку, и тот начал говорить с официантом. Говорили они минуты две, а то и три. При этом и Эрдемир, и Расим не участвовали в разговоре. Расим не понимал языка, а Эрдемиру, видимо, было не с руки опускаться до разговоров с официантом.

Записав все что нужно в маленькую книжечку, официант ушел, захватив с собой кожаные меню.

– А что подают в каморканских ресторанах? – спросил Расим Фарука.

– Почти то же самое, – ответил тот, – только приправы у нас более острые.

– Точно, – сказал вдруг Эрдемир по-русски. – Каморкана не такая большая страна, как Турция. И в ней климат более однороден. То есть там тепло на всей территории, тогда как в Турции есть регионы, где зимой столбик термометра опускается до отметки в тридцать градусов.

«Елы-палы, – подумал Расим, – вот еще один знаток русского языка. Причем он говорит по-русски почти без акцента, но газетным стилем. Видимо, много читает русских газет и автоматически повторяет речевые обороты, которые там встречаются».

– Как чувствует себя наш гость? – спросил Эрдемир, и так взглянул на Расима, что тот сразу понял свое несоответствие статусу гостя.

– Все... – ответил за Расима Фарук, но Эрдемир бросил на него быстрый и холодный взгляд, и он замолчал.

– Отдыхаем, отдыхаем, – ответил Расим. – Что еще остается делать гостю? Как мои дела? У меня есть надежда?

– Надежда вещь хорошая, – сказал Эрдемир. – Я задержался потому, что ждал результатов экспертизы.

– Какой? – не понял Расим.

– Химической, – ответил Эрдемир.

Расима как огнем обожгло. Он уже забыл, что четыре дня назад ему в полицейском участке срезали ногти.

– И что с результатами? – спросил он и поперхнулся.

– Они задерживаются, – ответил Эрдемир, – но это не повод огорчаться... Фарук не спросил вас, что бы вы хотели себе заказать, потому что мы хотим вас угостить национальными блюдами, правда, турецкими. Но я думаю, что придет время, и вы попробуете каморканских кушаний. А возможно, когда-нибудь мы попробуем и кушаний белорусских. Я полагаю, вы не откажете нам в любезности прокомментировать меню ваших ресторанов.

В это время появился официант, он принес белый напиток в высоких стеклянных стаканах.

– Айран, – сказал Эрдемир, – не только возбуждает аппетит, но и готовит желудки к перевариванию мяса, особенно приправленного острыми соусами.

Расим отхлебнул из стакана. Айран оказался чем-то вроде крепкого кефира.

– Мы не заказали ничего спиртного, – сказал Эрдемир, – ни в Каморкане, ни в Турции это не принято, но если гость выразит желание, мы тут же исправим свою ошибку.

– Нет, – сказал на это Расим, – я придерживаюсь правил страны пребывания. Вот когда вы попадете в Белоруссию...

Эрдемир и Фарук засмеялись.

В это время официант подал лепешки и зелень, затем принес ассорти из копченого мяса и рыбы.

– На горячее будет сложный кебаб, – сказал Фарук, увидев, что Расим осторожничает с едой. – У вас в Белоруссии, да и в России тоже, его называют люля-кебаб.

– В меня вряд ли влезет столько, – ответил Расим.

– Влезет, – сказал Фарук. – А если не влезет, то чаем утопчем.

Так за мелкими и ничего не значащими репликами прошел час.

Уже все загородки в ресторане были заняты, причем большинство посетителей, судя по физиономиям, было европейцами. И только в загородке напротив расположилась турецкая семья. Отец – ярко выраженный брюнет, его жена – женщина неопределенного возраста в хиджабе и маленький мальчишка лет шести-семи.

– Это курды, – пояснил Фарук, увидев интерес Расима к этой троице.

– Вы продолжаете изучать Ахундова? – вдруг спросил Расима Эрдемир.

– Нет, та конференция, на которой я познакомился с Фаруком, была последней. В аспирантуру я не поступил, а потом и от языкознания отошел.

– И чем вы сейчас занимаетесь? Бизнесом?

– Вряд ли это можно назвать бизнесом. Я работал в туристической фирме.

– Почему работал, вы оттуда уволились?

– Нет, но после того, как я задержусь в Турции, хозяин может меня уволить.

– Будем надеяться на лучшее, – сказал Эрдемир.

– Будем, – согласился Расим.

– Меня все же интересует, почему вы выбрали предметом своего исследования Ахундова?

– Наверное, потому, что поэты-материалисты в Советском союзе были более известны, чем все другие поэты.

– Да, да, – вмешался в разговор Фарук. – В СССР, например, был очень популярен Омар Хайям. Его даже считали первым персидским поэтом. Хотя в иерархии поэтов Персии у него далеко не первое место.

– Он тоже был материалистом? – спросил Эрдемир.

– Нет, – ответил Фарук, – он часто использовал образ и символ вина, и в СССР полагали, что он пьяница, а значит, свой человек, родственная душа.

– Родная душа, – автоматически поправил Фарука Расим.

Эрдемир посмотрел на Фарука так, как смотрит кот на прохожего, помешавшему ему ловить птичку.

– Вам рекомендовали его? – снова спросил он Расима.

– Нет, но объяснить это, скорее всего, можно тем, что Ахундов стоял ближе всех на полочке у научного руководителя. А студенты, как губки, вначале впитывают то, что им дают профессора.

– А потом?

– Потом, все зависит от студента и обстоятельств. Если бы я остался в аспирантуре, то, наверное, продолжил исследовать и Ахундова, и восточную литературу. Но судьба, да и все что произошло в СССР, привели меня на ниву туризма, – произнес Расим, удивляясь тому, что под влиянием общего стиля разговора сам перешел на газетные обороты.

Официант принес кебаб. Какое-то время все были заняты его поглощением.

– И вас устраивает ваше сегодняшнее положение? – спросил Эрдемир, справившись с содержимым своей тарелки.

– В каком смысле?

– В смысле того, что ты не стал профессором, уважаемым человеком, а вынужден работать в турфирме.

«Ага, ему надоел этикет, и он перешел на “ты”», – подумал Расим, а вслух произнес:

– Знаете, в начале девяностых у нас кардинально сменились социальные ориентиры. И профессор в отличие от Каморканы, а может и Турции, у нас не столь уважаемый человек. В Минске часто рассказывают анекдот о том, как один старичок попал в вытрезвитель...

Эрдемир бросил удивленный взгляд на Фарука, тот быстро нашелся и пояснил: в полицию нравов.

– Так вот, – продолжил Расим, – ведут старичка в это заведение, а он кричит: «Козлы, вы знаете, кто я такой? Я мясник с центрального рынка!» Утром приходит его жена. И ей говорят: «Забирай своего мясника». А она отвечает: «Да не мясник он, не мясник. Он – профессор из университета. Но как выпьет, так у него мания величия проявляется».

Обычного в таких случаях взрыва смеха, который был бы в Минске, Расим не услышал и еще раз убедился в том, что выросшие в разных культурах люди воспринимают только то, что могут понять. А точнее то, что может огорчить их или порадовать. Рассказанное Расимом не относилось ни к первому, ни ко второму.

Эрдемир, сознавая, что не понял смысла анекдота, закашлялся, а потом произнес:

– Значит, своим положением ты доволен?

– Я никогда не жалею о жизни, – сказал Расим, его стали раздражать попытки собеседников пожалеть его.

– Ну что ж, правильно, – сказал Эрдемир, – не нам вмешиваться в судьбу, на все воля Аллаха.

Виктор Сергеевич

Таксист отвез его в отель «Halekulani». Виктор Сергеевич знал, что на Западе не принято приезжать в отель, не заказав предварительно номер. Но у него не было другого выхода. Ему нужно было поселиться именно в «Halekulani».

Уже на подлете к аэропорту он видел с борта самолета изумительной красоты океан, белые песчаные пляжи, ряды широколистных пальм вдоль автострад. Металлический голос стюардессы прочитал на трех языках информацию о территории, куда вот-вот должен был приземлиться самолет. Из нее Виктор Сергеевич понял, что всех прибывших тут ожидает рай земной, комфорт и высочайший уровень обслуживания, а также – мемориальный комплекс Перл-Харбор, аквариум Ваикики и царский дворец девятнадцатого века.

Отели «Halekulani» славятся и дорожат своими королевскими номерами: в них две спальни, гостиная, столовая, две ваннные комнаты, веранда. Именно они заказаны и расписаны иногда на много месяцев вперед. Что касается небольших номеров из маленького холла, спальни и ванны, то спрос на них невысок. Виктор Сергеевич снял таковой, расположился в нем и вышел на лоджию.

Удивительно, но в отличие от Италии здесь было не так жарко. Создавалось впечатление, что эту ласковую прохладу несет Тихий океан, накатывающий свои волны на белый песок пляжа главного острова гавайского архипелага Оаху.

Было время обеда или по-американски – второго ланча.

Виктор Сергеевич переоделся и спустился вниз в ресторан.

«Джонатана» он заметил сразу. Но постарался не попасть тому в поле зрения. Время контакта еще не пришло. Нужно было осмотреться, изучить обстановку в отеле, проверить нет ли за ним контроля, а уж потом...

Два последующих дня были посвящены именно этому, хотя на первый взгляд Виктор Сергеевич ничем не отличался от остальных обитателей отеля: ходил на пляж, заглянул в тренажерный зал, исследовал всю территорию отеля и даже выехал в город в ближайший супермаркет.

Супермаркеты были чем-то вроде огромного муравейника, там можно было легко выявить контроль, если, конечно, он не осуществлялся телекамерами. Но и в этом случае можно так организовать движение по бутикам, что у наблюдателей возникнет необходимость некоей легкой доразведки в натуре, то есть контроля вживую. А это как раз и свидетельствовало об интересе к нему и отвечало на вопрос «под колпаком» он или нет.

На третий день в ресторане за столик к Виктору Сергеевичу подседа дама лет сорока с хвостиком. Сделала она это довольно бесцеремонно, даже не спросив разрешения. Впрочем, все стало на свое место, когда она заговорила по-русски.

– Вас заинтересовал вон тот господин? – спросила дама, чуть кивнув в сторону «Джонатана».

«Твою дивизию», – мысленно произнес Виктор Сергеевич, а вслух сказал:

– В некотором роде, да. Он весьма спортивно сложен и на нем такой строгий костюм.

– Типичный чинуша, – сказала дама, – который даже на отдыхе подчеркивает это. Но я его знаю, мы одновременно ходим на массаж. Кстати, здесь прекрасные массажисты. Вы не хотите походить на массаж? Здесь вам могут сделать любой.

– А полагал, что массаж всегда один? – прикинулся простачком Виктор Сергеевич, чтобы как утка-мать отвести внимание дамы от обсуждения или нападок на своего птенца – «Джонатана».

– Ну что вы! – клюнула на удочку дама. – Массаж существует полинезийский, японский, китайский, йога-массаж, массаж спортивный. Поскольку вы на Гавайях, то здесь есть специалисты по гавайскому массажу. На ваш выбор любой эротический массаж.

– Он один или у него есть разновидности? – спросил Виктор Сергеевич.

– Вы действительно не знаете или прикидываетесь простаком? – спросила дама.

– Я действительно не знаю.

– Их множество, – сказала дама.

– И в чем между ними разница?

– В глубине чувств, которые массаж вызывает, – ехидно заметила дама.

– Извините, – сказал Виктор Сергеевич и посмотрел на часы, – мне нужно спешить.

– Спешить вам некуда, – сказала дама. – Вы ведь на отдыхе...

«Час от часу не легче, – подумал он, возвращаясь в свой номер. – Откуда вынесло эту русскоязычную бабу, которая заметила мой интерес к “Джонатану”?».

И случилось это как раз тогда, когда он «случайно» попался на глаза своего агента и тот не мог не заметить его.

Виктор Сергеевич прошел в вестибюль и подошел к стойке, за которой стоял портье, краем глаза заметив «Джонатана», который сидел в кресле, полузакрыв глаза.

– Я из четыреста второго номера, – сказал он портье. – Для меня должны оставить сообщение.

– Ничего нет, – ответил портье и развел руками.

Виктор Сергеевич взял ключ и направился к лифтам. Он не оглядывался, но спиной чувствовал, что «Джонатан» идет вслед за ним. В лифте они оказались не одни, и Виктор Сергеевич вышел на своем этаже, ничего не успев сказать. Впрочем, он и не должен был ничего говорить. Агент слышал номер его комнаты и должен сам сориентироваться о предстоящей встрече.

После вечернего ланча Виктор Сергеевич опять подошел к стойке. Портье протянул ему конверт и произнес только одно слово:

– Посыльный...

Виктор Сергеевич распечатал конверт и пробежал глазами текст записки. Она гласила, что интересующая Виктора Сергеевича дама появится в отеле только послезавтра и перезвонит ему.

Означало это, что встреча должна произойти завтра. И это почему-то насторожило Виктора Сергеевича. Почему завтра, а не сегодня?

Чувство опасности заставило его мозг работать более четко, чем в обычной ситуации.

Он снова собрался в супермаркет.

Слежку за собой Виктор Сергеевич заметил сразу. Она велась довольно примитивно: за ним шел унылый брюнет лет тридцати.

«Растакую мать! – выругался он мысленно. – Вряд ли контрразведка может работать так предметно. Значит, это случайный хвост. Когда я выбирался в супермаркет первый раз, ничего подобного не было. Хвост мог появиться только после контакта со странной дамой, говорящей по-русски или “Джонатаном”».

В супермаркете он медленно прошелся по отделам, затем быстро завернул в боковой коридор, а потом резко повернул обратно. Брюнет попался, ему некуда было спрятаться. Он прижался к стене и, как виноватый школьник, опустил глаза.

Вечером в ресторане Виктор Сергеевич снова был атакован дамой, говорящей по-русски. Причем вела она себя так, будто они сто лет знакомы.

– Мне нужен попутчик, – сказала она, – для экскурсии в Голливуд.

– Но это не близко, – ответил ей Виктор Сергеевич.

– Ерунда, – сказала дама, – отсюда до Лос-Анджелеса есть чартерные рейсы.

Виктор Сергеевич ничего не ответил, а дама продолжала:

– Там 300 солнечных дней в году. Поэтому Голливуд в начале двадцатого века обосновался именно там.

– Я хотел бы отдохнуть, не выходя за пределы отеля, – сказал Виктор Сергеевич.

– Но это всего в двух часах лета...

– И я предпочитаю видеть Голливуд на экране.

– Тогда вам нужно посетить Кауаи. Это почти тот же Голливуд, здесь снимались такие фильмы как «Парк Юрского периода», «Кинг-Конг»...

– Вы меня не так поняли, – исправился Виктор Сергеевич, – я предпочитаю видеть продукцию Голливуда, а не саму кинофабрику.

– Вы из Москвы? – перепрыгнула дама на другую тему.

– Я из Вильнюса.

Б.Н

Через три дня я окончил писать справку «Предложения по противодействию “программе стимулирования дезертирства” с территории ГДР», отдал ее Михаилу Федоровичу, а после обеда утвердил у него план мероприятий по разложению редакции «Прорыва».

Поскольку второе у Евгения Петровича было на первом месте, то план утвердили, и я начал по нему работать, забыв о справке.

Уже на следующий день я был в Мюнхене, сначала прогулялся по Электраштрассе и посмотрел на «Прорыв» снаружи. Потом направился в Старый город. Впрочем, куда же может направиться человек, который приехал в Мюнхен ознакомиться с его достопримечательностями?

Мюнхен летом чем-то напоминает иллюстрации сказок братьев Гримм, которые были очень популярны после войны в Советском Союзе. Здесь находится огромный торговый центр, в котором легко выявить возможное наружное наблюдение. Здесь символ города – церковь Богоматери. С одной из башен Старого города можно посмотреть на Мюнхен с высоты птичьего полета, а заодно и увидеть, нет ли за тобой «хвоста» или провести прямо на лестнице акцию по моментальной связи. Здесь же находится музей охоты и рыболовства, посетить его – мечта рыболовов карлхорстской колонии. Здесь же и Баварская государственная опера, которую я так и не смог посетить за несколько лет своей командировки в Германии ни разу, хотя был постоянным посетителем оперы Берлинской. Ну и, конечно, здесь же находится старейшая пивоварня и пивной зал в Баварии – Хофбройхаус – место встречи с агентурой, потому что в огромных залах, где могут разместиться более двух тысяч человек, весьма легко укрыться от наблюдения. Важно только знать, где места для тех, кто приходит сюда впервые, где – для завсегдатаев, а где места тех, кто заслужил право иметь свои кружки и пить пиво из них. Эти кружки прикованы к полкам железными цепочками, но чтобы иметь такую кружку, нужно ходить сюда не один десяток лет.

Все это я знаю от того же Бязева, а, кроме того, осведомлен, что в этой пивной очень шумно и, даже стоя рядом, трудно услышать друг друга. И что в ней бывали Ленин и Гитлер.

Поднимаюсь в зал третьего этажа, где меня должен ждать мой агент. Его псевдоним «Ганс». Он сам родом из Восточной Германии, там у него остались мать и брат. Я помогаю его брату учиться в вузе. А он помогает мне. «Ганс» профессиональный медвежатник⁹.

Мы пьем пиво и не спеша разговариваем на фоне непрерывного гула, который создают посетители пивной.

– Нужно посмотреть одну организацию, – говорю я ему, – она находится на Электраштрассе.

Он кивает головой.

– Нужно обследовать размещение персонала, замки, а главное, есть ли там типографическое оборудование?

Он опять кивает головой и делает глоток из кружки.

Я знаю, что все это он поручит своему напарнику – молодому парню по имени Вилли. «Ганс» и Вилли представляют собой небольшой гангстерский синдикат. Вилли осуществляет всю подготовительную работу, нанимает «рабочих» для того, чтобы сделать «Гансу» так называемый проход к сейфу. А потом наступает время «Ганса» – он вскрывает сейф.

«Интересно знает ли “Ганс”, что у русских его коллег сейф называется “медведем”?» – думаю я, разглядывая его руки. Однажды он помог нам осуществить операцию по проникновению к секретам одной из спецслужб в английской зоне оккупации. Руководство решило

⁹ Медвежатник (сленг) – специалист по вскрытию сейфов.

его поощрить, но «Ганс», узнав сумму, а также то, что за нее нужно расписаться, усмехнулся и отказался от денег:

– Передай это брату, – сказал он мне.

Мимо нашего столика несутся официантки, в руках у которых по шесть кружек пива. Если учесть что это литровые кружки, в их руках одновременно не меньше пуда.

Я восхищаюсь этим. Но «Ганс» лениво произносит:

– Это еще что. Во время праздников здесь работают настоящие мастерицы-официантки. Они могут брать в руки по восемь кружек, а четыре ставить себе на грудь. Правда, грудь должна быть соответствующей.

И он показывает, какой должна быть грудь у официантки, чтобы она смогла нести двадцать кружек.

Мы доедаем колбаски, допиваем пиво.

– Буду тут дней через десять, – говорю я.

Он кивает в знак согласия и уходит.

А я некоторое время жду, делая вид, что раздумываю: заказать ли мне еще кружечку, внимательно смотрю на официанток, которые, плавно раскачиваясь, разносят пиво и, наконец, покидаю Хофбройхаус.

У входа в пивную некоторое время рассматриваю доску с надписью, которая свидетельствует о том, что это – придворная пивоварня и основана она в 1589 году. Но с 1844 года король снизил цены на пиво и разрешил посещать пивную простому люду, к коему относились «солдаты и трудовой народ», дабы они получали здоровое и полноценное питьё.

Ну, как тут не любить баварцам своих королей?

Возвращаюсь в Западный Берлин, а потом и в Восточный. Короткий доклад начальнику отдела и предвкушение встречи с родиной.

– В Минск летишь? – спрашивает меня жена.

– Нет, в Москву.

– А, может, оттуда поездом?

– Не могу, проездные на самолет, да и шеф говорит, что это не отпуск, а командировка.

В Москву прилетаю утром, еду в гостиницу, а потом на Малую Пироговскую, в институт химической технологии, на кафедру со странным для меня названием физической химии. В кабинет заведующего меня проводил мой коллега, который курировал институт. Он же оставил меня один на один с довольно молодым человеком с академической бородкой и в академической шапочке.

– Вам звонили по поводу меня? – говорю я.

– Да, да, – отвечает он и начинает рассказывать мне историю вуза, в котором он заведует кафедрой. Она почему-то ведется с Московских женских курсов. Поведав об этом, заведующий переходит к нашим дням и перечисляет количество доцентов и профессоров в вузе и на кафедре.

Я терпеливо жду: монастырь не мой и не мне лезть сюда со своим уставом. Наконец заведующий спрашивает:

– Что вас к нам привело?

– Мне нужна консультация, – говорю я и пытаюсь изложить проблему.

Он долго думает и говорит:

– К нам из Казани приехал молодой ученый-экспериментатор, я сведу его с вами, и, может быть, вы найдете с ним общий язык.

Ругаясь в душе, соглашаюсь на этот вариант, понимая, что общего языка с заведующим кафедрой физической химии я не нашел.

Лаборантка отвела меня в какую-то комнату, уставленную вовсе не шкафами с пробирками, а стеллажами с книгами, где и представила меня еще более молодому человеку, но

уже без академической бородки и академической шапочки. Он мне сразу понравился, и мы начали беседовать, а через десять минут я честно поведал ему, что, к сожалению, не нашел общего языка с завкафедрой физической химии.

Молодой человек усмехнулся и сказал:

– Дело не в том, что наш заведующий играет в академика, а вы ему не понравились. Дело в том, что вы никогда не нашли бы с ним общий язык, потому что вы разные люди по молекулярному строению.

Увидев мои округлившиеся глаза, он пояснил:

– Нет, все люди состоят из одинаковых клеток, которые в своей основе состоят из одинаковых молекул. Но как нет двух абсолютно одинаковых людей на земле, так нет и двух одинаковых клеток. Человек не научился еще видеть эту специфику, но он ощущает результаты этой разности. Вот вы, например, не сможете работать с нашим заведующим, а со мной у вас будет получаться все, от работы до досуга. И это не потому, что мы понравились друг другу внешне. Это потому, что наши молекулярные структуры близки.

– Не совсем понял, – сказал я.

– Хорошо, перейдем на более понятный уровень. Вы душились духами, которые одним нравятся, а другим нет. И тогда у вас легко осуществляется контакт с теми, кто любит эти духи, и никакого контакта с теми, кто их не любит. Причем не важно количество этих духов, достаточно, чтобы их было хотя бы несколько молекул.

– А есть такие...

– Молекулярные соединения, вы хотите сказать?

– Да, именно они, которые вызывают всеобщую любовь?

– Есть, как, впрочем, и всеобщую ненависть.

– И где их изготавливают?

– Нигде, у нас нет ни экспериментального, ни промышленного их производства.

– А за рубежом?

– За рубежом не знаю, хотя я читал несколько статей в химических журналах, которые краем касались этих проблем, но не больше.

Обратный рейс был у меня на следующий день, и остатки этого дня я потратил на то, чтобы отблагодарить бутылкой коньяка коллегу, курировавшего институт, и побродить по Москве.

На следующий день я уже был в Карлхорсте. Однако на службу не поехал: было начало десятого вечера, и я направился домой.

Во дворе дома я увидел Ухналева, моего земляка и сотрудника американского отдела.

Год назад я пробирался на свое место в шестом ряду Берлинской оперы и наступил на ногу молодому человеку. Я тут же извинился, сказав:

– Фешен зеен зе бите.

– Бите, бите, – ответил он.

«Странный какой-то немец», – подумал я, а на следующий день встретил «странного немца» в коридоре Аппарата Уполномоченного...

– Привет, – сказал мне Ухналев. – Как там столица?

«Твою дивизию, – подумал я, – вот тебе и конспирация...»

Но Ухналев не стал говорить, откуда он знает про мою командировку.

– Ты завтра пойдешь в контору, – продолжил он, – будь готов к тому, что дядя Женя тебе устроит разнос, если не больше.

Еще раз, мысленно выругавшись, я поблагодарил Ухналева за предупреждение и вошел в подъезд. Если уж сотрудник другого отдела знает, что его коллегу собирается оттянуть сам Уполномоченный, значит, мои дела совсем плохи. Но что могло произойти: провал моих агентов или того хуже – их предательство?

Расим

После кебаба официант принес чай, и разговор пошел более неспешно. Начали с обсуждения чая и сладостей, которых в Турции, как и в Каморкане, превеликое множество, и того, что на Востоке сладости слаще сахара.

– Мозг требует сладкого, – сказал Фарук и насыпал в чай сахару, а затем стал пить сладкий чай, заедая его засахаренными фруктами.

– А удар по печени? – поинтересовался Расим.

– Да какой это удар, – засмеялся Фарук, – одно удовольствие!

И тут Расим решил поиграть первым номером.

– Послушай, – сказал он Фаруку, – ты помнишь мой доклад на конференции и даже стихи, а я вот не помню, с каким докладом выступал ты?

Вопрос привел Фарука в легкое замешательство. Но он мгновенно собрался и произнес:

– Сколько у меня потом было таких конференций и докладов... В отличие от тебя я не бросил языкознание и литературу.

Он еще что-то говорил, но Расим мог поклясться, что Фарук лихорадочно вспоминает тему доклада, с которым он выступал на той студенческой конференции в Баку в 1985 году. Расим также обратил внимание на то, что и Эдемир смотрит на Фарука с некоторым любопытством. Так смотрит начальник на подчиненного, которого поставили в трудное положение. И от того, как он выйдет из этого положения, будет зависеть расположение к нему его начальства.

– Э-э, – продолжал между тем Фарук, – а... мой доклад был о Сабире.

Он облегченно вздохнул, потому что нашел наконец начало нити того клубка, который предстояло разматывать. Поэтому он уже не торопясь сделал глоток из чашки с чаем и стал говорить тоном профессора на лекции:

– Собственно, «Сабир» в переводе на русский значит «терпеливый», это один из тахаллусов¹⁰ Мирзы Алекпера Сабира. Он умер в 1911 году. В Азербайджане его именем назван город. У него много стихов, но почему-то во всех сборниках на первом месте это:

– Не смей глядеть!
– Не смею, не гляжу.
– Молчи!
– Молчу, не слова ни скажу.
– Не слушай!
– Что ж, попробую и так.
– Не смейся!
– Смех могу зажать в кулак.
– Не думай!
– Стоп! Вот тут уж дудки! Нет!
На мысль, прости, не выдуман запрет!
Коль я живу в бушующем огне,
Я вместе с ним пылаю наравне.
Спокойно тлеть немыслимо в пути,
И ты со мной так глупо не шути!

¹⁰ Тахаллус (турецк.) – псевдоним.

Фарук победно взглянул на Расима, как бы говоря: «Что, съел?» Но этого ему показалось мало. Он щелкнул пальцами, подозвал официанта и заказал еще что-то.

Эрдемир удивленно посмотрел на него. И Фарук разъяснил ему ситуацию на каморканском, кивнув в сторону Расима.

Принесли три чашки напитка, одновременно похожего на взбитую молочную смесь и капучино. Эрдемир и Фарук добавили в напиток сахара, Расим последовал их примеру, заметив краем глаза, что мальчишка-курд, показал пальцем в их сторону и, видимо, потребовал себе того же.

Курд подозвал официанта и стал что-то долго ему объяснять. Официант ушел, но вскоре появился снова. В одной руке он нес чашку с напитком, а во второй держал маленький кальян.

«Неужели кальян мальчишке?» – подумал Расим.

Но тут все стало на свои места. Мальчишка получил чашку, а женщина в хиджабе стала курить кальян.

Эрдемир обратил внимание на то, что Расим с некоторым удивлением смотрит на женщину, курящую кальян.

– Вот видишь, – сказал он Расиму, – в какой самой демократической стране Запада можно увидеть такое? Ты усомнился в знаниях Фарука, а между тем я тоже выходец из того же факультета. Правда, я окончил его чуть раньше. И когда Фарук был на этой конференции в Баку, я уже не был студентом. Но с творчеством Ахундова знаком. И также знаю, что у вас, как это говорят, в почете повесть Ахундова «Обманутые звезды». Ты помнишь ее сюжет?

Вопрос был задан так, как некоторое время назад задавал его Расим Фаруку.

«Твою дивизию, – подумал Расим, – эти однокашники объединились и сейчас буду экзаменовать меня».

– Да, помню, – ответил Расим. – Некий шах узнает от звездочета, что звезды, а точнее, их расположение, предрекают ему гибель.

– Правильно, – заметил Эрдемир, – а как звали этого шаха?

– Не помню, – честно признался Расим.

– Звали его Шах-Аббас.

– Возможно, – произнес Расим. – Мне продолжать, или я не выдержал экзамена?

– Ну, какой же это экзамен... – сказал Эрдемир. – Это разговор двух филологов.

– И тогда Шах-Аббас сажает на престол мнимого шаха. Приходит назначенный день, и мнимый шах умирает, а Шах-Аббас возвращается на престол. Но, собственно, здесь сюжет только начинается. Шах понимает, что звезды могут снова быть к нему расположены недружественно и снова приглашает к себе звездочета. А пригласив, спрашивает: можно ли избежать судьбы? «Нет, – отвечает звездочет, – рок фатален, избежать его нельзя, но его можно обмануть».

И он предлагает шаху путь к спасению. Шах должен добровольно отказаться от престола, отдалиться от власти, стать простым человеком. А на трон посадить какого-нибудь грешника. Единственное условие этого – все должно быть сделано совершенно искренне. Иначе рок почувствует обман и убьет в нужный день не грешника лже-шаха, а самого Аббаса.

Находят грешника, жизнь которого, по мнению шаха, ничего не стоит. Этим грешником оказывается человек, который всю жизнь мечтал облагодетельствовать народ, организовать справедливое правление. Борец против тирании, так бы назвали его сейчас.

Он, став шахом, начинает издавать справедливые и демократические законы, все время думает о народном счастье и благе, борется со взяточниками и коррупционерами, призывает представителей народа управлять государством.

– Что-то вроде – «каждая кухарка должна управлять государством», – вставил свои пять копеек в рассказ Расима Фарук.

– Что-то вроде, – согласился Расим и продолжил: – Лже-шах призывает всех честно жить, чиновников не воровать, заботиться о просвещении народа. Но происходит парадокс. Чем он больше старается, тем больше его не понимает народ. И народ начинает возмущаться: что за слабый человек нами правит? Да он ни на что не способен! И над шахом-демократом начинают откровенно потешаться. Наконец наступает день, предсказанный звездами, и взбунтовавшийся народ убивает своего правителя.

Тут появляется Шах-Аббас, возвращает себе престол и продолжает править страной, держа народ в постоянном страхе.

Вот и весь сюжет.

– Правильно, – сказал Эрдемир. – Во всем мире тиранов любят до обожания, потому что страх – единственный стимул в управлении человеком. Ничто другое не может с ним сравниться. Но я не об этом хотел сказать. Этот сюжет и эта повесть говорят о том, что Восток был всегда мудрее так называемого просвещенного Запада. Если бы Карл Маркс знал этот сюжет, он никогда бы не создал своего учения. А русские не попытались реализовать его на практике. На страхе держится весь мир. Именно страх побуждает человека вести правильный образ жизни, не покушаться на то, что на Западе называется правами человека.

Эрдемир ослабил узел галстука. Наверное, это было каким-то знаком, потому что Фарук насторожился. А босса понесло.

– Вот я видел, как ты, – сказал он Расиму, – смотрел на курящую кальян женщину в хиджабе. Если бы на ее месте была другая женщина, без хиджаба, ты, наверное, не смотрел бы на нее так осуждающе. Ты, наверное, думаешь: правоверная мусульманка, а курит кальян. Ты осуждал то, что она курит кальян или то, что она курит его в хиджабе?

– Я ничего не осуждал, – сказал Расим. – Для меня экзотика и хиджаб, и кальян. Вот я и наблюдал за ней внимательно.

– Эрдемир, – нарушая некую субординацию, вмешался в разговор Фарук. – Он действительно многое не понимает, и ему нужно многое объяснять. Ты относишься к нему как к мусульманину, но он – атеист, а отсюда у него иной взгляд на многие вещи, он, несмотря на то, что татарин по национальности, вырос в русской среде.

– А ты, я знаю, – сказал ему Эрдемир, – тоже полагаешь, что женщины в Каморкане не должны носить хиджабов.

– Ну не совсем так, – попытался уклониться от ответа Фарук. – Но я хотел бы, чтобы это было личным делом каждой женщины.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что никакая паранджа или хиджаб не способны сделать женщину более религиозной или нравственной.

– А как же исламские традиции?

Расим с удивлением наблюдал спор босса и подчиненного, который к его еще большему удивлению проходил на русском языке. Хотя полемистам было удобнее говорить на каморканском либо турецком.

– Ни одно покрывало не сделало человека лучше, – говорил Фарук, – да и эта традиция скорее языческая, чем мусульманская. Ислам, как и многие монотеистические религии, несет на себе печать своих предшественников. Это они фетишизировали некоторые атрибуты одежды. В исламе нет монастырей, но это отчасти компенсируется монашеской одеждой женщин. И если ты утверждаешь, что женщина в хиджабе более набожна, то почему мужчины не носят хиджаб? Они тоже создания Аллаха.

– Это показатель того, что женщины более ревностно чтят традиции ислама и предков, – твердо произнес Эрдемир.

– Обратись к 33 главе Корана, и ты поймешь, что это не так, – сказал Фарук. – Причина необходимости прятать лицо женщин связана не с набожностью, а с греховностью, как женщин, так и мужчин. Хиджаб – это, с одной стороны, признак признания мусульманами своей греховности, а с другой – показатель того, что никаким другим способом воздействовать на них нельзя, кроме как через это покрывало, а не их сознание. И Турция сделала шаг вперед в этом направлении, а Каморкана осталась в прошлом веке.

– Хорошо, что ты стал говорить о Турции, – произнес Эрдемир. – Я полагаю, что Турция стоит в шаге от возвращения к традициям, в том числе и ношению хиджаба.

– Турция не Каморкана, она не вернется туда, откуда ушла.

– Это ты так считаешь, а турки полагают, что нужно внести поправки в законодательство и запретить женщинам появляться в общественных местах с непокрытой головой.

– Турция в отличие от Каморканы светское государство.

– Теперь ясно, почему ты предпочитаешь отдыхать в Турции. Ты не патриот.

– Странное определение для патриота и патриотизма... Хиджаб связан с религией, а Конституция Турции предполагает свободу вероисповедования. А свобода вероисповедования означает, что ты можешь исповедовать любую религию или не исповедовать никакой религии. И никто не вправе тебя принудить ни к первому, ни ко второму.

– Но Организация Исламских государств рекомендует вернуться к хиджабам, обосновывая это тем, что все противоположное размывает традиции, а это ведет к ослаблению мусульманского мира.

– Знаешь, эта организация создавалась мировым правительством для решения своих задач и меньше всего озабочена укреплением мусульманского мира.

– Да ты глобалист...

– Не вешай на меня ярлыки, я, прежде всего, патриот своей страны, правда, я в ней кое-что поменял бы, но это на данный момент невозможно.

– Я знаю, о чем ты говоришь, и скажу тебе, что это будет вряд ли возможным вообще, – категорически произнес Эрдемир.

– Время покажет, – парировал этот выпад Фарук.

Тут они словно вспомнили о Расиме.

– Ну, как тебе наш спор? – спросил Фарук. – Мы иногда заводимся, но при этом не перестаем быть патриотами Каморканы, правда, у нас разное видение путей ее развития.

– Хорошо, что ты об этих путях говоришь здесь... – проворчал Эрдемир и перешел с русского на каморканский.

В это время у него зазвонил мобильный телефон. Эрдемир вытащил его из кармана пиджака. Эта была первая модель моторолы-раскладушки.

Эрдемир приложил телефон к своему уху, что-то сказал по-турецки. Потом выслушал звонившего и, обращаясь к Расиму, произнес:

– Плохи твои дела, у тебя под ногтями эксперты нашли частицы красителя...

Виктор Сергеевич

– Я однажды была в Вильнюсе, – сказала дама, – когда жила в СССР. Мне там тогда ужасно понравилось, там есть такая большая башня, не помню, как называется, и такие уютные кафе-подвальчики.

– Она называется «Башней Гедиминаса», – сказал Виктор Сергеевич.

– О, расскажите мне о Вильнюсе! Он очень изменился?

И Виктор Сергеевич начал рассказывать о сегодняшнем Вильнюсе, одновременно пытаюсь понять, кто эта дама? Случайно подвернувшаяся землячка или представитель контрразведки? Если второе, то она должна была появиться после контакта с «Джонатаном», но возникла раньше. Тогда с кем из его контактеров связано появление «хвоста» в супермаркете?

– Вы говорите о Вильнюсе, словно экскурсовод, – сказал дама.

– Я говорю так, чтобы вам было понятно то, о чем я говорю, – ответил Виктор Сергеевич.

– А у вас в Литве любят зеленый цвет, и даже один из мостов называется «зеленым», правда?

– Правда, – устало согласился Виктор Сергеевич. – У нас все зеленое: «зеленый мост», «зеленое озеро», «зеленые братья». А если вы не хотите, чтобы я рассказывал вам о достопримечательностях старого Вильнюса, я могу перейти на бытовые детали, вы их не найдете в каталогах для туристов. Например, расскажу вам о школе, в которой учится мой племянник. Ее номер десять, и находится она возле магазина «Минск».

– Я не хотела вас обидеть неким недоверием, – сказала дама и тут же сменила тему. – Вы никогда не бывали в Канаде?

«Господи, она словно видит меня насквозь».

– Был в качестве туриста в Монреале.

– И в каком году это было?

– Это что, допрос?

– Нет, просто женское любопытство.

– По-моему, тогда там проходил один из матчей первой серии Канада – СССР по хоккею с шайбой.

– Сразу видно, что вы были в Канаде мельком, – сказала дама. – в Канаде никогда не говорят «по хоккею с шайбой». Для канадцев не существует никакого другого хоккея, кроме канадского, то есть хоккея с шайбой.

– А вы, судя по всему, отличаете хоккей канадский от хоккея русского.

– Еще бы, я родилась в Красноярске, а там была известная в Союзе команда, по-моему, «Енисей».

– А живете в Монреале?

– Нет, я живу в США, но первое время после переезда из СССР мы жили в Канаде, не в Монреале, а в Ванкувере.

И она, словно в доказательство, раскрыла сумочку и извлекла оттуда свою фотографию на фоне статуи капитана Ванкувера, основателя города. А поскольку Виктор Сергеевич, взглянув на фото, ничего не сказал, вновь затараторила:

– Это памятник Джорджу Ванкуверу...

«Сейчас она скажет – капитану английского флота», – подумал Виктор Сергеевич.

Но дама сказала просто:

– Он был англичанином.

– Это самый известный памятник в Ванкувере? – спросил Виктор Сергеевич, чтобы как-то поддержать разговор.

– Нет, – ответила дама, – самый известный памятник первому кабатчику, не помню, как было его настоящее имя, но в Гренвилле его называют памятником Джеку Болтуну.

«В Гренвилле... – подумал Виктор Сергеевич. – Значит, она действительно жила или была там, потому что все туристические справочники называют этот район, по сути, центр Ванкувера, Гэстауном. И это не проверочные тесты в отношении меня, а просто женская болтовня дамы, которая соскучилась по этнически близким собеседникам».

– Если вы не хотите в Голливуд, – сказала дама, – я могу организовать вам экскурсию в океан с рыбалкой – русские любят...

– Сколько это будет стоить, – спросил Виктор Сергеевич. – Вы ведь не профессиональный гид?

– Да, – ответила дама, – я любитель и беру недорого.

– Непременно воспользуюсь вашими услугами, – сказал Виктор Сергеевич, – но сегодня я себя плохо чувствую. Не могли бы вы сориентировать меня, где здесь находится то, что в России называется здравпунктом.

– Охотно провожу вас, – сказала дама.

И она сделала это, не только проводив его в кабинет дежурного медика, но и объяснив, что такой медконтроль здесь ничего не стоит, поскольку в отеле действует система «все включено».

Медсестра измерила Виктору Сергеевичу артериальное давление, покачала головой, дала зеленую таблетку и порекомендовала некоторое время не выходить на солнце.

«Прекрасно, – подумал Виктор Сергеевич, – если меня изучает контрразведка, то есть основание не выходить из номера».

Дама проводила его до номера и, прощаясь, произнесла:

– Меня зовут Лиз.

Он кивнул в ответ так, как должен кивнуть мужчина, с одной стороны, соблюдающий этикет общения с женщиной, но с другой – не настолько здоровый, чтобы пригласить ее в гости.

После этого Виктор Сергеевич заперся в номере, принял душ, разложил одежду на стуле на случай экстренных обстоятельств и улегся в кровать. Если номер под контролем, то это не вызовет у контролеров внимания.

Он закрыл глаза и стал имитировать спящего человека. Всякий, кто когда-либо занимался этим, знает, что от имитации до сна несколько шагов. Но Виктор Сергеевич долго не мог уснуть, слишком велико было напряжение, вызванное всем тем, что происходило с ним в последние три дня. Однако сон все же сморил его.

Проснувшись, он не стал открывать глаза, а перевернулся несколько раз, как это делает человек во сне и замер. Все, что произошло и происходило, вернулось к нему.

Он снова вспомнил Ветковского.

– Ты зря соглашаешься на это, – говорил тот.

– Но кто-то должен сделать это?

– Пусть это делают те, кто провалил резидентуру.

– Но я приобретал этого человека...

– Этот человек ненадежен...

– Почему ты так решил?

– Во-первых, он уже раз предал свою страну.

– Ну, это не основание обвинять его в ненадежности.

– Не скажи, тогда обстановка способствовала тому, чтобы он работал на нас, а теперь все наоборот.

- Есть тут некоторый резон. А во-вторых?
- Он уже был на грани провала и чудом избежал его.
- Это мы помогли ему избежать провала.
- И ты полагаешь, что он должен быть благодарен тем, кто сунул его голову под нож гильотины, а потом ловко вытащил в последний момент?
- Слишком образно, давай ближе к простой человеческой материи.
- Давай. Виктор, ты представь психологию человека, которого втянули в занятие, которое могло стоить ему свободы и даже жизни, а потом на каком-то этапе помогли ему избежать провала. А потом снова втягивают его в то же самое. Какова будет реакция нормального человека на то, что его хотят подставить еще раз? А реакция его будет одна – защитная. И, защищаясь, он сдаст тебя, приобретет новых хозяев и таким способом обезопасит себя.
- Это крайний вариант, его следует иметь в виду, но...
- А здесь никакого «но» нет, и не может быть. Ты представь свой статус: ты не сотрудник разведки, ты даже не гражданин России. Кто за тебя будет просить? Да и тех отношений, что были у Советского Союза с другими странами, уже нет. Ты не думай, что в случае провала и ареста тебя обменяют, как Абея. Ты будешь сидеть и долго сидеть. Потому что Советского Союза нет, его сателлитов и их разведок тоже нет.
- Конечно нет. Ты говоришь так, будто это для меня новость. Я все это учитываю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.